ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

въ 1890 году

(19 февраля).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Шкафъ
Полка
№
Инвентарь:
№

КУ
4570

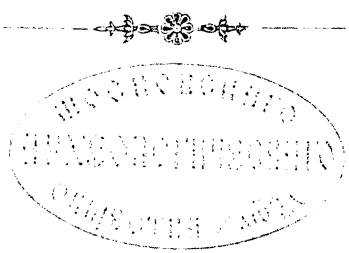
ГОДИЧНЫЙ АКТЪ

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

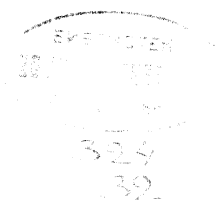
въ 1890 году

(19 февраля).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.
1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи.
Ректоръ Академіи *Антоній*, Епископъ Выборгскій.
8 Февраля.
1880 г.



СЛАВЯНО-РУССКІЙ

ПРОЛОГЪ

ВЪ ЕГО

ЦЕРКОВНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНОМЪ

И

НАРОДНО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

РѢЧЬ,

произнесенная на годичномъ актѣ С.-Петербургской духовной академіи 19-го Февраля 1890 г.

экстраординарнымъ проф. А. И. Пономаревымъ.

Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи.

«Η Πίστις χωρὶς τῶν ἔργων νεκρά ἐστιν— вѣра безъ дѣлъ мертва есть» (Іак. II, 20).
«Добрыхъ дѣлъ есть ликъ, яже суть: вѣра, надежда, любовь, *милостыня*, *человѣколюбіе* (Прол. 16 апр.).

Въ настоящее время, когда у насъ духовное и свѣтское правительства проявляютъ такую внимательную заботливость о возстановленіи непосредственно дѣятельнаго участія церкви и духовенства въ умственномъ и религіозно-нравственномъ просвѣщеніи русскаго народа, когда съ этою цѣлію сдѣлано уже и дѣлается такъ много, но еще болѣе того предлагается, проектируется и ожидается,—въ такое время представляется вполнѣ своевременнымъ и не лишеннымъ нѣкотораго практическаго значенія вопросъ: чему и какъ обучала и назидала русскій народъ наша церковь въ тѣ вѣка, когда не было еще почти никакихъ правильно устроенныхъ народныхъ школъ, ни учителей и школьныхъ программъ, ни разнообразныхъ научно-воспитательныхъ средствъ и пособій, когда народъ обучался и назидался, а вмѣстѣ и воспитывался — и это главное—въ одномъ лишь храмѣ Божіемъ, или въ келліяхъ благоговѣйныхъ и книголюбивыхъ иноковъ, когда не было также иной литературы, иной книжности, кромѣ церковной и церковно-богослужебной? Чему и какъ научался онъ въ тѣ вѣка?.. Вопросъ этотъ, взятый во всей его полнотѣ, столько же обширный и въ высшей степени интересный, сколько и крайне трудный для всесторонняго и вполнѣ безпристрастнаго разсмотрѣнія, но я нахожу возможнымъ, при настоящемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, затронуть

его, обративъ ваше просвѣщенное вниманіе на одну изъ тѣхъ церковно-учительныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, которая можетъ считаться самой важной въ этомъ отношеніи и которая показываетъ—какое именно по преимуществу ученіе и какъ преподавалось тогда народу въ храмѣ и внѣ храма, и насколько оно отвѣчало и отвѣчаетъ истиннымъ началамъ и запросамъ христіанскаго просвѣщенія и гражданской жизни. Эта книга—древній славяно-русскій Прологъ...

Кромѣ того, какъ вамъ извѣстно, въ наши дни святотатственная рука хулителей святой православной церкви и непризванныхъ, лживыхъ учителей и вѣроучителей—коснулась и этой книги: одни изъ нихъ издѣваются надъ нею, кощунственно выставляя на видъ нѣкоторыя яко бы нелѣпыя сказочно-фантастическія „исторіи", входящія въ ея составъ, и не находятъ въ ней ничего, кромѣ этого; другіе, напротивъ, похищаютъ изъ нея цѣлыя назидательныя сказанія и повѣствованія и, передѣлывая и искажая ихъ въ духѣ своего мнимо-гуманитарнаго ученія и міровоззрѣнія, распространяютъ ихъ въ народѣ подъ видомъ народныхъ художественныхъ пересказовъ церковныхъ проложныхъ чтеній, какъ въ послѣднемъ случаѣ позволяютъ себѣ дѣлать нѣкоторые изъ наиболѣе ретивыхъ не по разуму послѣдователей графа Льва Толстаго, напр. извѣстный г. Лѣсковъ... Прологъ книга церковная, во всемъ существенномъ безусловно-согласная съ общимъ догматическимъ и нравственнымъ ученіемъ нашей церкви, но Прологъ вмѣстѣ съ тѣмъ и книга народная, потому что на немъ по преимуществу нравственно-христіански воспитывался и возрасталъ нашъ народъ, и въ немъ именно,—какъ я надѣюсь показать,—можно находить всѣ тѣ лучшія черты религіозно-нравственнаго христіанскаго міровоззрѣнія нашего простаго народа, которыя заботливо насаждала и воспитывала въ немъ церковь, которыя въ тоже время теперь уже дѣйствительно есть въ нашемъ народѣ и составляютъ его лучшее и благороднѣйшее достояніе.

Итакъ, моя рѣчь будетъ о Прологѣ...

Я не буду входить въ подробности относительно происхожденія и историко-литературной судьбы древне-славянскаго Пролога. Древнѣйшіе, начальные пункты его литературной исторіи еще недостаточно разъяснены научно [1]). Не подлежитъ однако сомнѣнію, что Прологъ, греческій по своему происхожденію и начальному тексту [2]), очень рано, вѣроятно, еще въ Болгаріи, былъ переведенъ на славянскій языкъ и появился у насъ, въ числѣ прочихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, на первыхъ же порахъ по принятіи христіанства [3]). Древнѣйшіе списки славянскаго Пролога восходятъ къ XII—XIII в., и одинъ изъ такихъ списковъ, пергаминный, имѣется въ нашей академической Новгородъ-Софійской библіотекѣ (№ 1324) [4]). По формѣ и своему внѣшнему составу

[1]) Въ рукописяхъ Прологи имѣли такое заглавіе, не вполнѣ точно обозначающее ихъ содержаніе: «Прологъ еже наречется сказаніе вкратцѣ святыхъ апостолъ и пророкъ и святыхъ мученикъ и преподобныхъ отецъ. Благоугождавшихъ мужъ и женъ терпѣнія и страсти и исправленія обоюдунадесяти мѣсяцу»,—или такое заглавіе: «Книга глаголемая Прологъ собраніе святыхъ всего лѣта отгдѣ же изыде и гдѣ родися и кьеми лѣты или мученіа ради или пощеніа дѣля кыйждо вѣнецъ пріялъ есть» (см. рук. Прол. Новг. Соф. библ. 1532 г. № 1327 и XVI в. № 1333,—первый изъ этихъ списковъ вполнѣ тожественъ съ тѣмъ, который вошолъ въ составъ Макарьевскихъ Четьи-Миней). Въ *первомъ* печатномъ изданіи (1641 г.) заглавіе почти такое же: «Прологъ, си рѣчь, прелѣтнее собраніе святыхъ для всего лѣта, отъ гдѣ кождо бѣ и изыде, и гдѣ родися, и кіими лѣты бывъ. И како мученицы мучены быша, и при которыхъ нечестивыхъ царѣхъ, и мученія ради своего, или инѣи святіи пощенія ради и труда, или милостыни подаяніемъ, Христа милостива си сотвориша, и вѣнцы кійждо ихъ пріяша, и нынѣ въ мѣстѣхъ райскихъ водворяются» (л. 1). Въ изданіи 1675—77 г.: «Прологъ, или житія святыхъ отецъ, вкратцѣ собранная, къ нимъ же присовокуплены и различныя повѣсти святыхъ отецъ» (л. 1).

[2]) По крайней мѣрѣ, въ его основной агіологической части,—см. еп. Сергія, Мѣсяцесловъ Востока, т. 1 стр. 244,—возраженія г. Петрова въ «Труд. Кіевск. духовн. Академіи», мартъ, и «Отвѣтъ по Агіологіи» еп. Сергія, м. 1876 г. стр. 19 (оттиск. изъ «Чт. въ Об. любит. духовн. Просвѣщенія», 1876 г.).

[3]) Голубинскій, Исторія рус. Церкви, т. I. перв. половина, стр. 607 и 752.

[4]) О происхожденіи Пролога и его судьбѣ въ славяно-русскихъ литературахъ—см. Филарета Черн., Обзоръ русск. духов. литер., СПБ. 1884, стр. 55,—Сергія, Агіологія, т. I стр. 243 и др.,—Петрова, О происхожденіи и составѣ славяно-рус. печатнаго Пролога, Кіевъ, 1875, стр. 1 и сл.

славяно-русскіе Прологи были главнымъ образомъ двухъ видовъ. 1) такъ называемые стишные и 2) не-стишные. Первые наружно отличаются тѣмъ, что предъ каждымъ изъ житійныхъ сказаній въ нихъ помѣщались особыя стихословія — стихи въ похвалу и прославленіе святаго, о которомъ въ сказаніи повѣствуется; въ Прологѣ втораго вида такихъ стихословій нѣтъ, равно какъ и въ печатныхъ изданіяхъ изъ нихъ сохранены только немногія и, повидимому, случайно [1]). При сличеніи рукописныхъ Прологовъ того и другаго вида, по разнымъ вѣкамъ, начиная древнѣйшими XII—XIII в. и кончая поздними XVI—XVII в., а равно и съ первыми печатными изданіями (1641, 1642, 1659 и слѣд. гг.), открывается весьма большое разнообразіе и различіе между ними — въ обиліи, полнотѣ и порядкѣ расположенія матеріала. Въ древнѣйшихъ спискахъ, Прологъ, по своему составу, болѣе кратокъ, нежели въ позднѣйшихъ и въ печатныхъ изданіяхъ: въ немъ меньше житійныхъ сказаній, нежели въ позднѣйшихъ, меньше церковно-учительныхъ статей и повѣствованій, посвященныхъ русскимъ святымъ и воспоминаніямъ о русскихъ церковно-гражданскихъ событіяхъ,—кромѣ того, въ однихъ спискахъ опущены или замѣнены другими однѣ статьи, въ другихъ иныя [2]). Послѣднее до-

[1]) Такъ, въ Прологѣ изд. 1675 г. стихословія сохранены подъ слѣдующими днями: 13 сент. (л. 40),—5-го, 10, 22, 24 и 25 мар. (л. 17, 34, 92, 98 об., 102),—12-го апр. (л. 171), 22 и 30 авг. (л. 679 и 706 об.). Вотъ два изъ такихъ стихословій: «Христосъ сошедъ къ боренію адову единъ, и многъ плѣнъ вземъ взыде съ побѣдою: тому слава и держава во вѣки, аминь» (на день воспоминанія «еже о Господствѣй пасцѣ, воскресенія Господа нашего Іисуса Христа» — 25 марта), — «Корене зловоннаго плодъ благовонный паче. Анѳуса честная отъ земли отцвѣтѣ и житія» (помѣщено предъ житіемъ св. Анѳусы, 12 апр.).

[2]) При изученіи Пролога рукописнаго мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими рукописями—Новгор. Соф. библіотеки: Прологъ XII—XIII в. № 1324 (Срезневскій относитъ эту рукопись къ началу XIII в.,—см. Изв. Акад. Наукъ, т. 10 стр. 200); Прологи: № 1325—XIV в. (пергаминный); № 1331—XV в.; №№ 1371; 1327; 1328; 1329; 1330; 1334; 1340; 1362, 1386 и 1387—XVI в., Кирилло-Бѣлозер библ. XV в. № 1240; XVI в. № 1250, XVII в. № 1241 и 1443.—Для печатнаго Пролога мы руководились преимущественно изданіемъ 1675—1677 г., *исправленнымъ*. Въ предисловіи къ этому изданію (см. мартовскую половину) говорится: «Аще кто,

пускалось и въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ. Словомъ, сличеніе Пролога, по спискамъ разныхъ вѣковъ и въ печатныхъ изданіяхъ, показываетъ, что книга эта не оставалась неизмѣнной, что напротивъ изъ вѣка въ вѣкъ она испытывала измѣненія, восполнялась и какъ бы обновлялась, соотвѣтственно такимъ или инымъ церковно-учительнымъ требованіямъ и соображеніямъ, появлявшимся въ то или другое время [1]). Тѣмъ не менѣе, въ главномъ своемъ

прочитая книгу сію, обрящетъ нѣкая рѣченія въ ней не тождесловна со прежде изданными: да вѣсть таковый, яко обрѣтшаяся нѣкая неисправленія рѣченій, *не самодерзостно, ниже самомнѣнно премѣнишася, или отъяшася, а инаа приложишася*: но вся таковая свидѣтельствовашася греческими синаксаріями (Синаксарь—древнее греческое наименованіе Пролога), и древними словенскими рукописными и харатейными: и оттуду нѣкая нужнѣйшая во именѣхъ, и глаголѣхъ, на лучшее и полезнѣшая исправьшася».. Такимъ образомъ, это—*пересмотрѣнное и исправленное изданіе*, или точнѣе—перепечатка Пролога, исправленнаго монахомъ Ефиміемъ и изданнаго въ 1659 г. (см. у Петрова, указ соч., стр. 6—7), но съ нѣкоторыми дополненіями. Сравнительно съ первымъ печатнымъ Іосифовскимъ изданіемъ (1641 г.) въ немъ исправленъ языкъ, окончанія словъ и поученій—«во вѣки вѣкомъ» или совсѣмъ устранены или замѣнены словами—«во вѣки вѣковъ», поправлены нѣкоторыя житія и повѣствованія, приводятся многія житія русскихъ святыхъ, не находящіяся въ первомъ изданіи,—но во всемъ остальномъ—и въ агіологической части, и въ церковно-учительной—это изданіе ничѣмъ не разнится отъ перваго и другихъ предшествовавшихъ и можетъ считаться лучшимъ, именно какъ исправленное. Въ нашей работѣ всѣ цитаты приводятся по этому изданію.—для удобства, сентябрьскую половину мы приводимъ какъ I томъ Пролога, а мартовскую какъ II томъ.

[1]) Въ Исторической преемственности Прологовъ указываютъ четыре вида ихъ: «одни, самые древніе, только съ житіями святыхъ; другіе, кромѣ житій, содержатъ поученія и краткіе стихи; въ третьихъ—житія и поученія; въ четвертыхъ прибавлены житія русскихъ святыхъ, сперва не многихъ, потомъ въ XVI в. уже многія» (Филаретъ, указ. соч. стр. 55). Въ печатныхъ Прологахъ сдѣланы были новыя добавленія. Такъ, напр. въ изданіи Пролога 1675—1677 г., кромѣ обширнаго житія Алексія, человѣка Божія, переведеннаго съ греческаго Арсеніемъ грекомъ въ 1659 г. (т. II л. 60 об.—101), и житія Оеодора Стратилата, также вновь переведеннаго съ греческаго (ibid. л. 397—406 об.), въ концѣ, въ приложеніи, помѣщены для чтенія «по каѳизмѣ»—обширное повѣствованіе о жизни и чудесахъ святителя Николая Угодника и большія слова Андрея, архіеп. Кипрскаго на д. Рождества Богородицы, похвальное слово св. Іоанну Златоусту (13 ноября), слова Тарасія (на Введеніе во Храмъ), архіеп.

составѣ и въ существенныхъ чертахъ своего церковно-учительнаго значенія и назначенія, славяно-русскій Прологъ, и въ рукописныхъ изводахъ, какъ затѣмъ и въ печатныхъ изданіяхъ, всегда оставался неизмѣнно тѣмъ же—книгой церковно-учительнаго содержанія, ближайшимъ образомъ назначенной для чтенія въ церкви, во время богослуженія, какъ показываютъ прямыя надписанія относительно этого, даже въ печатныхъ изданіяхъ, затѣмъ для чтенія въ монастыряхъ, на общихъ собраніяхъ братій монастыря и во время посѣщенія монастырей разными богомольцами, а также наконецъ и вообще для церковно-назидательнаго чтенія. И Прологъ вполнѣ отвѣчалъ и отвѣчаетъ такому назначенію. Въ него входятъ указанія памятей святыхъ и церковныхъ праздниковъ, господскихъ и богородичныхъ, по мѣсяцамъ и числамъ церковнаго года, отъ сентября по августъ,—памяти святыхъ сопровождаются большею частію краткими, а иногда и весьма обширными агіологическими или житійными сказаніями объ нихъ, взятыми изъ Четьи-Минійныхъ житій или составленными на основаніи ихъ; вслѣдъ за житійными сказаніями и на ряду съ ними въ Прологахъ того и другого вида, изъ указанныхъ, подъ каждымъ числомъ мѣсяца, помѣщаются, кромѣ того, разнообразныя статьи церковно-учительнаго содержанія—слова и поученія на дни святыхъ и церковныя празднества, назидательныя повѣсти и богословскія разсужденія по разнымъ вопросамъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, а также по вопросамъ жизни и духовнаго, нравственнаго строительства человѣка въ міру и въ отреченіи отъ міра—въ монашествѣ. Что касается житійныхъ сказаній въ славяно-русскихъ Прологахъ, то несомнѣнно, всѣ они представляютъ собою не что иное, какъ сжатыя или краткія версіи Четьи-Минійныхъ житій святыхъ, но при этомъ характерно, что по началу Прологи или Синаксари дѣйствительно были какъ бы просто сокращенныя Четьи-

---

Константинопольскаго, Аѳанасія Александрійскаго (на Рождество Христово), Прокла, патр. Константинопольскаго (на Богоявленіе, два слова), Кирилла Александрійскаго и неизвѣстнаго на день памяти «св. Алексія, архіепископа Кіевскаго и всея Россіи» (2 февр.). См. Пр. т. I л. 1—31 прилож.

Минеи (понимая послѣднія только какъ собраніе житій святыхъ) [1], подъ вліяніемъ которыхъ они возникли и развивались, между тѣмъ, когда въ XVI в. митрополитъ Макарій составилъ свои Великія Четьи-Минеи—эту обширную энциклопедію древне-русскаго церковнаго знанія и просвѣщенія,—то цѣликомъ внесъ въ нихъ и Прологъ, какъ особое произведеніе церковной литературы, признавая за нимъ, такимъ образомъ, особое и самостоятельное значеніе. Кромѣ того, относительно повѣствованій о святыхъ въ славяно-русскихъ Прологахъ нельзя не замѣтить, что житія нѣкоторыхъ наиболѣе почитаемыхъ въ русскомъ народѣ святителей и угодниковъ, напр. св. Іоанна Златоуста, Николая Угодника, Алексѣя человѣка Божія и др., а затѣмъ и почти всѣ житія святыхъ русскихъ—въ нихъ полнѣе житій другихъ православно-восточныхъ святыхъ, особенно же мучениковъ, отличаются наибольшей подробностію содержанія, живостію и картинностію изложенія. Статьи церковно-учительныя въ славяно-русскихъ Прологахъ, каковы: назидательныя повѣсти, поученія и богословскія разсужденія—чрезвычайно разнообразны по формѣ и по содержанію. Это большею частію небольшія цѣльныя произведенія или извлеченія изъ твореній отцовъ и учителей церкви, преимущественно же изъ твореній христіанскихъ подвижниковъ, встрѣчаемыя часто и въ другихъ древне-русскихъ церковно-учительныхъ сборникахъ—въ Патерикахъ, Измарагдахъ, Соборникахъ и пр., но немало между ними статей и самостоятельно-русскихъ, притомъ, вполнѣ образцовыхъ въ литературномъ отношеніи, какъ напр. небольшія поученія на Рождество Христово, на праздникъ Богоявленія и многія другія [2].

---

[1]) Какъ и показываютъ нѣкоторые списки древняго славяно-русскаго Пролога, гдѣ житійныя, въ сокращеніи, повѣствованія помѣщаются въ первой половинѣ рукописи, а церковно-учительныя статьи отдѣльно, во второй половинѣ, но также по мѣсяцамъ и числамъ года. Таковъ древнѣйшій пергаминный Прологъ Новг. Соф. библ. № 1324, относящійся къ XIII—XIV в.

[2]) Макарій, Ист. рус. Церкви, т. III, стр. 211 и сл. (изд. 2-е).

При изученіи Пролога, статьи церковно-учительнаго характера представляютъ наибольшій интересъ, и на нихъ я и хотѣлъ бы обратить ваше вниманіе. Разсматривая ихъ одну за другою, по разнымъ Прологамъ, рукописнымъ и печатнымъ, я пришелъ къ той мысли, что, во-первыхъ, Прологъ далеко нельзя считать книгой, назначенной по преимуществу для монашески-аскетическаго назиданія. Правда, все содержаніе Пролога проникнуто однимъ возвышенно-аскетическимъ взглядомъ, призывающимъ къ отреченію отъ страстей и плотскихъ привязанностей и указующимъ на земную жизнь какъ на кратковременную и переходную ступень къ будущей, вѣчной жизни, гдѣ всѣ мы, по слову апостола, пожнемъ то, что посѣяли здѣсь, на землѣ. Но взглядъ этотъ, конечно, нельзя считать исключительно монашескимъ, между тѣмъ статей спеціально аскетически-монашескихъ въ Прологѣ можно указать не больше одной трети, все же остальное имѣетъ въ виду не однихъ монаховъ, а людей вообще, людей разнаго возраста, званія и положенія [1]). Нельзя сказать также, чтобы иноческіе обѣты и подвиги въ монастырѣ выставлялись въ Прологахъ какъ единственно спасительный путь благоугожденія, и чтобы на земную, мірскую жизнь набрасывался исключительно мрачный покровъ осужденія и отверженія. Напротивъ, оба пути въ жизни одинаково хороши и одинаково могутъ быть спасительными или гибельными, смотря по тому, какъ устрояется жизнь—по закону ли Божію или противу него. „Не соблажняй, брате, своего ума,—читаемъ въ Поученіи Нифонта, подъ 16 апрѣля,—на всякомъ мѣстѣ обрѣтается спасеніе Божіе, аще волю Его сотворимъ. Мѣсто убо никого же не спасетъ, но дѣла. И сіе тебѣ, брате, извѣстно сотворю: аще кто въ монастырь или въ пустыню идетъ, а злыхъ дѣлъ не оставляетъ, то не спасется“ (Пр. т. II, л. 185). „Не спасутъ насъ ризы черныя,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—ниже погубятъ бѣлыя, аще благоугодныя Богу дѣла творимъ“ (21 мар.,—т. II, л. 87 об.), ибо „явѣ законъ Христовъ и апостоловъ Его ученіе не монахамъ токмо даны и молчальное и пу-

[1]) Ср. подъ 19 февр., поученіе «о страхѣ Божіемъ»—Пр., т. I, л. 627 об.

стынное житіе держащимъ, но и ко всѣмъ сущимъ во градѣхъ и селахъ живущимъ съ женами и чады“ (8 мар.,—т. II, л. 26 об.) [1])... Прологъ дѣйствительно представляетъ многочисленные очевидные и трогательнѣйшіе примѣры истинно подвижнической жизни въ міру, среди тягостей и заботъ, выпадающихъ на долю каждаго, какъ напр. въ слѣдующемъ разсказѣ о св. Пафнутіи и добродѣтельномъ поселянинѣ. Пафнутій, великій пустынникъ, молился однажды Богу показать ему, какимъ святымъ онъ уподобился своимъ подвижничествомъ. „И пріиде Божій гласъ къ нему, глаголя: подобенъ еси ближайшія веси старѣйшинѣ“... Пафнутій идетъ въ ближайшее село, въ домъ старѣйшины—селянина,—послѣдній принимаетъ его по обычаю, какъ принималъ и всѣхъ странныхъ, посѣщавшихъ его домъ, омываетъ ему ноги, ставитъ предъ нимъ трапезу и приглашаетъ вкусить, и затѣмъ по прозьбѣ Пафнутія разсказываетъ о себѣ: „мнѣ убо лѣтъ есть тридесять, отъ нелѣже самъ ся отъ подружія отлучихъ; три точію лѣта жихъ съ нею и три отъ нея сына родихъ, иже на потребу мнѣ служатъ. Не престахъ бо любя странныя до днешняго дня, и не имать похвалитися селянинъ прежде насъ страннаго пріемля. Не излезъ же нищій изъ дому моего, ни страненъ тщама рукама. Ни призрѣхъ убога и нища отшедша, но подавахъ ему довольно утѣшенія. Не лицемѣренъ быхъ чаду моему, ни взлезоша въ домъ мой плоды чужіи, и не бысть свара, его же не умирихъ, ни похули кто при злѣ дѣлъ моихъ. Дѣти же мои не прикоснушася чужихъ приплодовъ; ни осѣявъ прежде своихъ нивъ,

---

[1]) Ср. въ поуч. о страхѣ Божіемъ, подъ 19 февраля: «Не рцы: въ мірѣ есмь и мірскими печальми связанъ есмь, да не могу творити всѣхъ заповѣдей Божіихъ. Аще хощеши творити совершеннѣ, и отврещися міра, и взяти крестъ твой, и ити вслѣдъ Господа твоего, иже ти добрѣ всего, то иди. Аще ли не можеши сего сотворити, то и въ міру сый, подвигнися угодити Богу. Мощно бо и въ міру сущу кому творити заповѣди Божія. Мнози бо образи покаянія суть, и спасенія человѣковъ: въ немъ же кійждо чину есть, аще хощетъ подвигнутися и твердо положити на умѣ своемъ: яко древніи святіи въ мірѣ суще съ женами и дѣтьми живуще, и въ богатствѣ и въ домѣхъ суще велицѣхъ: друзіи же и людьми владуще порученіемъ Божіимъ, и болѣзнь многу, и печаль о земныхъ дѣлѣхъ имуще, тоже угодиша Богу о всемъ»... Пр. т. I л. 628; ср. т. II, л. 462 об. («о мірскихъ людяхъ»); т. I, л. 9 об. («наказаніе св. Василія») и др.

но требующимъ прежде подавая и останкомъ своя осѣвая. И не дахъ сильному обидѣти нищаго, ни опечалихъ никого же въ моей жизни, ни суть кривины яже на кого изнесохъ. Сія Богу хотящу, не вѣдѣхъ себѣ сотворша"... Услыша такой разсказъ, Пафнутій облобызалъ поселянина, говоря: „благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима", и потомъ въ особомъ видѣніи было открыто ему, что названный добродѣтельный поселянинъ, по смерти, ангелами песенъ былъ на небо... (9 мар., т. II, л. 32). Подобныхъ разсказовъ въ Прологѣ много, и само собою понятно, что изъ нихъ можно выводить только то, что дается ими, а именно, что примѣры высокой святости и благоугожденія Богу возможны и въ міру, среди людей всякаго положенія, что монашество—отрѣченіе отъ міра — не единственный и исключительный путь, прямо приводящій къ спасенію [1]). Но возможно ли, позволительно ли, на основаніи указаннаго, полагать и утверждать, какъ утверждаютъ послѣдователи гр. Л. Толстого, и—смѣлѣе другихъ—именно названный мною г. Лѣсковъ, что значитъ—утверждаютъ они—спастись можно на всякомъ мѣстѣ, но этого мало—можно и помимо церкви, что церковь и ея установленія нѣчто излишнее, что таинства и священная іерархія совсѣмъ не нужны въ дѣлѣ спасенія, и что будто бы—страшно и сказать—всему этому научаетъ Прологъ, въ разсказахъ, подобныхъ приведенному мною?!.. Это такая нелѣпость, о которой не стоило бы и упоминать, еслибъ къ сожалѣнію она не была хитро придуманной и злостно разсчитанной

---

[1]) Ср. разсказы Пролога, по мысли совершенно сходные съ вышеприведеннымъ—о Муринѣ древосѣчцѣ, 8 сент. (т. I, л. 25 и сл.), о Фокѣ вертоградарѣ, 22 сент. (л. 63 об.); о свв. Исаакіи и Мелетіи, 21 сент. (л. 63), о св. Андроникѣ и женѣ его, 9 окт. (л. 131 и сл.), объ Іоаннѣ усмарѣ (швецѣ) и объ Евариетѣ пастухѣ, 17 нояб. (л. 284—286), о св. Филаретѣ милостивомъ, 1 декаб. (л. 339), о св. Филогоніи, 20 декаб. (л. 421), о св. Маисимѣ, 23 янв. (л. 532), о Ѳеодорѣ наемницѣ, 3 мар. (т. II, л. 9), объ Евлогіи каменосѣчцѣ, 23 мар. (л. 108—1), подъ 28 мая (л. 360)—«о сапожницѣ, его же обрѣте царевъ писецъ полунощи молящися въ церкви св. Богородицы въ Халкопратіи»,—ср. также замѣчательное и характерное «Слово, яко страннопріимство болѣ есть предъ Богомъ постнаго и пустыннаго житія» (5 дек., т. I л. 356 об.—357).

на внесеніе въ народъ лживыхъ еретическихъ идей, направленныхъ прямо противъ церкви православной, и распространяемыхъ съ помощію искуснаго обмана и искаженія, допускаемаго въ отношеніяхъ къ такой церковной книгѣ, которая пользуется величайшимъ почетомъ въ нашемъ простомъ грамотномъ народѣ. Приведу одинъ примѣръ такого искаженія...

Въ Прологѣ, подъ 8 сентября, помѣщено „Слово отъ Лимониса о Муринѣ древосѣчцѣ“ [1]). Въ словѣ разсказывается, что гдѣ-то—„въ Кипрстѣй странѣ“, случилась нѣкогда сильная засуха. Епископъ „тоя страны“ молитъ Бога, чтобы Онъ явилъ милость свою свыше — послалъ дождь на землю. И вотъ, „бысть ему гласъ съ небесе, глаголя: иди по утрени ко онѣмъ вратомъ града, и его же аще узриши входяща первѣе, того удержи, да помолится и пріидетъ вамъ дождь“... Епископъ въ сопровожденіи клира, идетъ послѣ утрени къ воротамъ города и садится подлѣ нихъ. Спустя немного, входитъ въ ворота нѣкій старецъ, съ ношею дровъ для продажи. Епископъ встаетъ съ своего сѣдалища, подходитъ къ старцу, останавливаетъ его. „И абіе сложи старецъ съ раму своею бремя дровъ, и поклонися епископу, глаголя: прости мя, отче, и прося благословенія отъ епископа“. Епископъ самъ преклоняется предъ старцемъ и проситъ его, „Господа ради“, помолиться, да пошлетъ Господь милость свою—дастъ земли дождь. Старецъ отказывается, считая себя человѣкомъ грѣшнымъ и недостойнымъ для такого великаго дѣла. Но епископъ не отступаетъ въ своихъ просьбахъ, и старецъ подчиняется „принужденію“—настоянію епископа, преклоняетъ колѣна, молится, и—„сниде дождь“. Послѣ этого, епископъ упрашиваетъ старца разсказать о себѣ: „сотвори любовь, отче, говоритъ онъ, и пользы ради рцы намъ житіе свое, да и мы поревнуемъ“. И старецъ разсказываетъ... „Вотъ, какъ видите, выхожу я за городъ, набираю вязанку дровъ и, возвратившись назадъ, продаю ихъ и покупаю хлѣбъ, яже ямъ, и тѣмъ себѣ пріобрѣтаю дневную пищу,—иного же ничего у меня нѣтъ. Сплю

---

[1]) Въ рукоп. XII—XIII в., Новг. Соф библ., № 1324, оно озаглавливается такъ: «Слово о Мюринѣ сичьці». Л. 167 об.

я у церкви, и на утро опять дѣлаю тоже самое, а когда случится непогода—„будетъ зимно или слота“—слякоть, день или два, то пребываю алченъ, хваля Бога, пока опять настанетъ ведро и снова возмогу изыти и посѣщи дрова“. „Пользу же пріимъ епископъ не малу—говорится далѣе въ заключеніи слова,—съ клиромъ его. И вси прославиша Бога о трудѣ старчѣ. И рекоша ему: во истину ты еси свершилъ Писаніе, глаголюще, яко рече: пришлецъ есмь на земли“... (Пр. т. II, л. 25). Эти послѣднія заключительныя слова превосходно поясняютъ основную мысль проложнаго чтенія. Въ лицѣ старца представленъ человѣкъ святой, богоугодной жизни, какимъ онъ долженъ быть на землѣ, по писанію: *странніи и пришельцы есмы*. Онъ трудится, трудомъ рукъ своихъ добываетъ себѣ пропитаніе, и ничего больше въ личномъ смыслѣ не ищетъ, ни къ чему больше не прилежитъ на землѣ, считая себя пришельцемъ на ней и всей душой пламенѣя и тяготѣя въ одной лишь любви къ небесному, къ вѣчному и непреходящему, проводя все время въ трудѣ и при храмѣ—ночуя и какъ бы постоянно пребывая въ немъ. Такіе люди—истинные подвижники труда, самоотреченія и высокой религіозной настроенности,—возможны и въ мірской жизни, и такіе люди, стойко держась избраннаго ими христіанскаго пути жизни, могутъ достигать высокой степени нравственнаго совершенства и святости, дѣлаться настоящими подвижниками и отшельниками, оставаясь въ міру и при своемъ мірскомъ трудѣ, ради лишь насущнаго хлѣба. Эта именно мысль освѣщаетъ всѣ подробности приведеннаго разсказа изъ Пролога, и никакой другой мысли, а тѣмъ болѣе какой-либо тенденціи, направленной противъ церкви и ея священныхъ установленій, казалось бы, отыскивать и находить въ немъ рѣшительно невозможно. Но посмотрите, какъ передается этотъ разсказъ въ изложеніи г. Лѣскова, послѣдователя гуманитарныхъ идей гр. Толстаго и его ученія о „не-сопротивленіи злу“?.. Слово Пролога „о древосѣчцѣ“ превратилось у него въ „Повѣсть о богоугодномъ древолѣ“: чѣмъ это заглавіе лучше проложнаго—трудно сказать. Повѣсть начинается заявленіемъ автора, что онъ „ради тяжести *довольно неуклюжаго* (?!) и для многихъ совсѣмъ

непонятнаго до-Петровскаго церковнаго языка, предлагаетъ повѣсть въ своемъ пересказѣ, вполнѣ близкомъ *фактически* къ подлиннику". Прежде всего невольно изумляешься такому горделиво-заносчивому пренебреженію относительно церковнаго языка: это православному-то народу, воспитанному на церковныхъ славянскихъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, говорятъ, что языкъ Библіи и церковнаго богослуженія, ежедневно слышимый въ русскихъ храмахъ— „языкъ тяжелый, неуклюжій, совсѣмъ непонятный"?! Больно, стыдно за русскаго человѣка и къ тому же русскаго писателя, который осмѣливается во всеуслышаніе провозглашать такую клевету, а тѣмъ болѣе обращается съ нею къ простому народу... Авторъ затѣмъ начинаетъ излагать проложное сказаніе уже *своей рѣчью*, вводитъ въ изложеніе подробности отъ своего измышленія, и какъ бы совершенно игнорируя подлинный текстъ проложнаго сказанія и его заключительныя слова, съ нескрываемымъ злорадствомъ начинаетъ иронизировать въ витіеватомъ описанія обстановки и положенія епископа, якобы посрамленнаго тѣмъ, что простой человѣкъ оказался святѣе его и что молитва его была дохожѣе до Бога [1]), и въ связи съ этимъ старается внушить своимъ чи-

[1]) Изъ разсказа старца мы ничего не узнаемъ о его прошломъ, такъ что нельзя даже сказать, чтобы это былъ *простой* именно человѣкъ. Между тѣмъ, въ Прологѣ же приводятся примѣры такъ называемаго «безъимянства» Христа ради, когда люди высокаго духовнаго положенія и сана добровольно отрекались отъ всего, уходили въ міръ, куда нибудь въ чужую страну, и здѣсь невѣдомые и никѣмъ незнаемые—«злострадали», въ потѣ лица добывая себѣ дневное пропитаніе. Такой напр. случай, и совершенно аналогичный съ разсказаннымъ въ Словѣ о Муринѣ древосѣчцѣ, сообщается подъ 6 февраля о епископѣ Павлѣ, который оставилъ свою епископію, удалился въ Антіохію, и здѣсь, никѣмъ не знаемый, работалъ съ простыми рабочими и жилъ одною жизнью съ ними,—когда же чудеснымъ образомъ открылась его высокая святость и онъ долженъ былъ сказать кто онъ, то разсказалъ о себѣ: «азъ епископъ есмь, и Бога ради оставль свою епископію, пріидохъ сѣмо, яко никому же знаемь есмь; и злостраданіемъ своимъ дѣлаю, и отъ труда моего сотворяю пищу себѣ, а прочее нищимъ даю въ милостыню, вѣдый яко тацѣми жертвами угождати Богу»... Воевода, которому святой Павелъ сдѣлалъ это открытіе, услышавъ его разсказъ—«прослави Бога, глаголя: о колика тайныхъ рабъ своихъ имать Богъ, и тому знаеми суть!» (Т. I, л. 587—88). Не тоже ли самое, даже съ тѣмъ же заключительнымъ выводомъ,

тателямъ, что нѣтъ особенной нужды въ пастыряхъ и архипастыряхъ церкви, спастись — „управить свой путь“, какъ онъ говоритъ, можно и безъ нихъ. Эту излюбленную мысль послѣдователей гр. Толстаго авторъ еще опредѣленнѣе выражаетъ въ поясненіяхъ къ разсказу, гдѣ говоритъ: „не только нѣтъ предосудительнаго въ томъ, что если кто нибудь пожелаетъ представить простаго человѣка способнымъ самолично хорошо управить свой путь“, то есть, говоря другими словами—самолично устроять свое спасеніе, безъ всякаго посредства пастырей церкви, „но что можно представить простаго человѣка даже содѣлывающимъ такія дѣла, которыя приходились не по силамъ лицамъ духовнымъ“. Въ подтвержденіе этого и приводится пересказъ проложнаго Слова, съ заявленіемъ, что такое ученіе „берется изъ церковнаго источника“ [1]). Нужно ли говорить, насколько авторъ пересказа является недобросовѣстнымъ, сообщая указанному проложному чтенію тенденцію, какой она, какъ мы видѣли, не имѣетъ и имѣть не можетъ? Но можетъ быть что-либо благопріятное и подтверждающее его мысль встрѣчается въ другихъ мѣстахъ Пролога, въ другихъ чтеніяхъ и поученіяхъ, помѣщенныхъ въ немъ? Нѣтъ и нѣтъ, и быть не можетъ. Напротивъ, положительно на каждой почти страницѣ Пролога встрѣчаются ясныя и неопровержимыя черты ученія о церкви и церковной іерархіи, о ея богоучрежденности и необходимости въ дѣлѣ спасенія человѣка, во всемъ безусловно согласныя съ церковными канонами и съ ученіемъ православной догматики.

разсказывается и о Мурипѣ древосѣчцѣ?.. Другой примѣръ истиннаго самоотрѣченія и безъимянства Христа ради Прологъ указываетъ въ лицѣ епископа Павлина Нолянскаго (23 январ.), который добровольно продалъ себя въ рабство въ Африку, съ тѣмъ, чтобы доставить средства бѣдной вдовицѣ выкупить ея единственнаго сына, и здѣсь—въ рабствѣ—никому невѣдомый, исполнялъ при домѣ своего господина обязанности садовника (разсказъ этотъ взятъ изъ «Собесѣдованій» св. Григорія Вел., кн. III, гл. 1).

[1]) Повѣсть г. Лѣскова первоначально была напечатана въ «Новостяхъ» 1886 г., № 22, съ предисловіемъ и послѣсловіемъ, въ которыхъ онъ беретъ подъ свою защиту гр. Л. Толстаго, проводящаго въ своихъ народныхъ разсказахъ мысль, что «спастись можно и безъ пастырей», и слѣдовательно—«безъ церкви»,—въ послѣднемъ изданіи повѣсти Лѣскова (М. 1889 г.), предисловія и послѣсловія нѣтъ.

Да и не странно ли выслѣживать въ Прологѣ противу-церковныя и анти-каноническія тенденціи, когда почти всѣ слова и поученія, внесенныя въ него, надписываются именами отцовъ и учителей Церкви, непоколебимыхъ стоятелей за чистоту и истинность церковныхъ догматовъ и каноновъ? Вотъ, напримѣръ, что читается въ Прологѣ подъ 10 марта, въ „Словѣ святаго Іоанна Златоустаго о чести священникъ“: „Богоносный Игнатій повелѣваетъ глаголя епископамъ: внимайте убо себѣ, да и Богъ ваши души пріиметъ и спасетъ. Повинующіися же епископомъ и священникомъ, служителемъ церковнымъ, съ тѣми и часть имъ будетъ о Бозѣ. И паки: послухъ ми есть, его же ради узы пріяхъ, яко отъ устъ человѣчь не разумѣхъ. Духъ бо проповѣдаетъ ми, сице глаголя: безъ епископа не творити ничтоже. Идѣже бо явится епископъ, тамо множество благинь будетъ. Идѣже бо нарицается Христосъ, тамо и соборная церковь сходится. Не идѣже хотятъ и пасутся овчая стада, но идѣже я пастуси снабдятъ. Кромѣ же стада и пастуха, то-есть внѣ стада и безъ пастыря—оставшія овцы расхитятъ звѣріе, и нищу себѣ сотворятъ въ нихъ. Не подобно убо есть безъ святителя ни крестити, ни брака творити. Се убо Господеви благоугодно есть, еже святителя чтити, и чтый святителя отъ Бога почтенъ будетъ. А еже безъ епископа что творити, не лѣпо есть. Священникомъ же достоитъ повиноватися аки апостоломъ Христовымъ надеждею нашею, да видими ими обрящемся. Подобаетъ же и дьякономъ, рекше служителемъ тайнъ Христовыхъ, по всему союзу во всемъ угождати: зане не брашну убо, ни питію суть служители, но Божіимъ служатъ церквамъ... Тѣмъ же убо, почтите служителя яко отца, а епископа яко самого Христа, попы же яко сопрестольники и супруги апостоломъ,—безъ нихъ бо церковь не освящается. Послушествуетъ бо сему словеси законъ храняй: все, елико аще речетъ ти священникъ, сотвори, не уклонися ни на лѣво, ни на десно отъ глаголемыхъ. Человѣкъ боаще сотворитъ презрѣніе, еже не послушати священника, достоинъ есть смерти“... (Прол., т. II, л. 36). „Тѣмъ же убо, о христолюбивіи,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ, — разумѣйте, яко великъ есть санъ святителескъ: елицѣхъ бо свяжутъ на земли, будутъ

связани на небеси, и елицѣхъ разрѣшатъ на земли, будутъ разрѣшени на небесѣхъ“ (20 сент., т. I, л. 61). Изъ этихъ мѣстъ Пролога,—а подобныхъ мѣстъ можно указать въ немъ очень много [1]),—кажется, съ достаточной ясностію видно, какимъ церковнымъ ученіемъ освѣщены и должны быть освѣщаемы чтенія и повѣствованія, помѣщенныя въ немъ, и послѣ того, мыслимо ли находить въ нихъ что либо анти-каноническое?..

Возвращаюсь къ разсмотрѣнію Пролога...

Какъ во взглядѣ на мірскую и не-мірскую жизнь, такъ и на земныя блага въ мірѣ и въ жизни Прологъ смотритъ съ той же церковной и общехристіанской нравственно-обязательной точки зрѣнія. Такъ, въ разсужденіи и правдѣ и неправдѣ, о добрѣ и злѣ въ мірѣ и въ человѣческомъ существованіи, подъ 23 декабря, на вопросъ—все ли добро и прекрасно въ сей жизни, дается утвердительный отвѣтъ: „ей добрѣ рече, добро зело, все еже въ сей жизни: богатство, и санъ, и красота, и имѣніе, и пища, и одежда, и хитрость..., злато и сребро, земли и села, и виноградѣ“, словомъ, весь прекрасный Божій міръ, и все это дано человѣку, но онъ долженъ пользоваться всѣмъ „вмалѣ“, а главное—„съ разумѣніемъ“, „согласно съ Закономъ Божіимъ“ [2]). Жить по Божьему, и именно не въ монастырѣ, а и въ міру, въ семьѣ и въ обществѣ, среди слабыхъ и сильныхъ, среди житейской борьбы, страстей и пороковъ, жить какъ повелѣваетъ Законъ Божій и чему нау-

---

[1]) Ср. напр. Слово св. Іоанна Златоустаго, подъ 1 іюня, о томъ, «како подобаетъ чтити іерея» (т. II, л. 377),—также «Слово о чести іерейстѣй», 19 іюня (Ibid. л. 440) и мн. др.—О церкви же ср. слѣдующее небольшое прекрасное поученіе, подъ 7 іюля: «Потщитеся, братіе и сестры, зовуще другъ друга къ церкви. Оставите дѣло рукъ вашихъ и взыдите на вышнее небо: церковь бо небо земное есть, въ ней же ангели невидимо славятъ Бога съ человѣки. Олтарь же разумѣй Божіе жилище, а трапезу престолъ святыя Троицы, отъ нея же брашно подается, плоть Сына Божія, и святая Его кровь, очищающи души» (т. II, л. 501 об.).

[2]) Прол., 23 дек., т. I, л. 433—434,—ср. подъ 28 февр.: «вся любы міра сего грѣхъ есть», но—«*не тварь* же зла, но наша дѣла въ ней зла и мерзка» (ibid., л. 655),—см. св. Іоанна Кассіана о разсужденіи, 29 февр. (*ibid.*, стр. 657 и сл., стр. 660).

чаетъ церковь [1])—вотъ основная тема почти всѣхъ проложныхъ поученій. И такъ какъ, первая и большая заповѣдь этого Закона—возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, а вторая подобная ей—возлюбиши ближняго своего какъ самого себя (Мѳ. 22, 37, 39; Мар. 12, 31), то любовь къ Богу и ближнему, вообще любовь христіанская, въ ея существѣ и проявленіяхъ, главный предметъ, который въ нихъ излагается. При этомъ, составители Пролога, въ поученіяхъ, приводимыхъ ими, стараются не столько раскрыть высшія догматическія и нравственныя основы любви христіанской, сколько показать и внушить необходимость и спасительность ея для человѣка, такъ какъ ихъ задача не теоретически богословская, а нравственно-воспитательная, достигаемая путемъ всѣмъ доступнаго пастырски-отческаго назиданія и указаніемъ живыхъ образцовъ и примѣровъ. Описывая цѣлый сонмъ святыхъ Божіихъ: пророковъ, мученниковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ и страстотерпцевъ, побѣдившихъ міръ вѣрою и любовію къ Богу и тѣмъ благоугодившихъ Ему, Прологъ въ ихъ лицѣ представляетъ разнообразные и внушительнѣйшіе примѣры для подражанія. Примѣры подкрѣпляются и поясняются словомъ — поученіями и назидательными разсказами. Любовь къ Богу безъ любви къ ближнему невозможна, одна слѣдуетъ изъ другой, обусловливается и вызывается другою: „аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть“,—„любяй Бога, любимъ и брата своего“, — „аще другъ друга любимъ, Богъ въ насъ пребываетъ“ (I Іоан. 4, 12, 20, 21). Указывая на любовь Божію къ міру, на Его безконечную благость и милость, Прологъ, въ своихъ разсказахъ и поученіяхъ старается именно выяснить и внушить необходимость дѣятельной христіанской любви [2]), прояв-

---

[1]) Яркую картину мірской суеты и жизни въ мірѣ см. въ поученіи св. Василія—«о житіи суетнаго свѣта сего», 13 іюня (Прол. т. II, л. 421 об.); т. I л. 445 («о суетномъ унынін сея жизни»).

[2]) См. прекрасное поученіе о любви къ ближнему вообще—въ «Словѣ св. Василія о смерти», подъ 5 іюня (Прол. т. II, л. 389),—поученіе это можетъ служить образцомъ всѣхъ проложныхъ поученій на эту тему, и другое — подъ 12 янв., т. I, 595: «св. Аѳанасія о преступленіи закона».

ляющейся въ дѣлахъ милости и милосердія въ отношеніяхъ къ ближнему. „Нищелюбіе“, „памятованіе о неимущихъ и нуждающихся“—вотъ о чемъ больше всего говорятъ и поучаютъ проложные слова и разсказы. Въ житійныхъ повѣствованіяхъ Пролога явственно проводится уже мысль, что святые и подвижники, уходившіе въ пустыни, въ уединеніе, или вообще отрекавшіеся отъ всего въ мірѣ, не покидали въ немъ ближняго, заботились о немъ непрестанно—молитвою и чудотвореніями, словомъ и дѣломъ помогали ему въ нуждѣ и бѣдахъ [1]). Самое отреченіе святыхъ и подвижниковъ отъ міра — переходъ къ совершенной жизни начинается по Прологу, почти всегда „раздачей всего имѣнія ни-

---

[1]) Ср. о св. *Мамонтѣ* (4 сент.): «ангеломъ веденъ бысть на гору, на ней же повѣленіемъ Божіимъ дивіи звѣри дояше, и творяше сыры, и даяше нищимъ» (Пр. т. I, л. 4),—о св. мучен. *Созонтѣ* (7 сент.): «иде въ храмъ идольскій, и отъятъ златую руку кумира, и сокрушивъ ю, даде нищимъ» (I, л. 19),—о св. *Θеофанѣ* исповѣдникѣ (9 сент.): «еще сый младенецъ, видя отрочища умирающа отъ мраза, и совлекъ своя ризы, облече его, и тако отъиде въ домъ свой. Вопрошаша же его родителя: гдѣ есть чадо одежда. И рече: Христа облекохъ» (л. 28),—о благовѣр. кн. *Θеодорѣ* (19 сент.): «чтяще священники, яко слуги Божіи, и монашескій чинъ вельми любяше, и нищихъ миловаше» (л. 57 об.),—тоже—о св. *Михаилѣ* черниг. (20 сент., л. 61), объ *Александрѣ Невскомъ* (23 нояб., л. 313), о св. *Гуріи* (4 окт., л. 109), о *Гаврінлѣ* Псковскомъ (11 февр., л. 604), о *Давидѣ* и *Ефросиніи* муромскихъ (25 іюн., т. II, л. 462),—о преп. *Лазарѣ* (17 нояб., т. I, л. 282),—о св. *Михаилѣ* воинѣ (22 нояб., л. 306 и іюл. 30 т. II, л. 593),—о св. *Іоаннѣ* чудотворцѣ (4 дек., л. 350), — о св. *Θеофаніи*: «не престаяше раздробляющи хлѣбъ свой нищимъ. Устнѣ же ея къ поученію божественныхъ законъ подвизахуся» и пр. (16 дек., л. 407),—о пр. *Филогоніи*, заступавшемся за обидимыхъ (дек. 20 л. 421),—о великомуч. *Анастасіи*—узорѣшительницѣ и о муч. *Хрисогонѣ*, въ нищенской одеждѣ посѣщавшемъ заключенныхъ въ темницахъ (22 дек., л. 427 об.—428),—о св. *Домитіанѣ* (10 янв., л. 497),—о преп. *Лукѣ* (7 фев., л. 589),—о св. *Антоніи* патр. (12 фев., л. 609),—о св. *Симеонѣ* серб. (13 февр., л. 611 об.),—о св. *Мартиніанѣ* (13 фев., л. 612 об.),—о св. *Серапіонѣ*, продавшемъ послѣднее (послѣ того какъ и послѣднюю одежду свою отдалъ), что у него было—«малое Евангеліе» и полученные деньги отдавшемъ нищему (14 мая, т. II, л. 297 и сл.),—о св. *Стефанѣ*—заступникѣ обидимыхъ и слабыхъ предъ властными и сильными (17 мая, л. 313),—о преп. *Θеофанѣ* (10 іюн., л. 413 об.),—о св. *Сампсонѣ* странноприимцѣ (іюн. 27, л. 468),—о св. *Симеонѣ* дивногорцѣ (іюл. 4 л. 488 об.).

щимъ“ [1]), почему и всѣмъ вообще отрекающимся отъ міра—идущимъ въ монастырь—внушается ничего не оставлять при себѣ—все раздать нищимъ (Прологъ, 21 декабря, т. I, л. 425). Нѣкоторые изъ святыхъ угодниковъ, кромѣ того, особенно яркими чертами изображаются въ Прологѣ какъ преимущественные и великіе „нищелюбцы“, напримѣръ святые Ѳеофанъ (29 сентября), Іоаннъ (12 ноября) и Филаретъ (1 декабря) милостивые, св. Николай Угодникъ (6 декабря), Вонифатій (19 декабря), Зотикъ странноприматель (10 января), Павлинъ, св. Мартинъ, св. Ѳеофанія, св. Анастасія и др. Постоянно, при разныхъ случаяхъ, въ Прологахъ указываются разныя стороны и черты христіанскаго совершенства въ нравственномъ складѣ и въ поведеніи человѣка: страхъ Божій [2]), прежде всего, затѣмъ — смиреніе и кротость [3]), терпѣніе и покорность волѣ Божіей въ бѣдахъ и напастяхъ [4]), незло-

[1]) Прол., т. I, л. 20; 49; 146; 153; 171 об.; 178 об.; 343; 344; 345; 346; 535; 537 об.; 630,—т. II, л. 1; 43; 171; 341; 433; 508; 511 об.; 538 об.; 577; 580; 674 и мн. др.

[2]) Въ проложныхъ поученіяхъ постоянно внушается «имѣти въ себѣ страхъ Божій», какъ начало всякаго добраго жительства, почему онъ и называется «спасительнымъ»; въ повѣствованіяхъ о святыхъ такъ же постоянно указывается, что они имѣли въ себѣ страхъ Божій и спаслись,—изъ многочисленныхъ поученій и отдѣльныхъ мѣстъ Пролога о страхѣ Божіемъ укажемъ какъ на самое характерное, подъ 31 мая—«Слово св. Ефрема Сирина о страсѣ и безстраніи» (т. II, л. 272—373).

[3]) Пр. II, 46: «сія добродѣтель мати есть всякой добродѣтели»,—см. 19 нояб., т. I, л. 292; 3 дек. л. 346 об.; янв. 11, л. 502 об.; 12 янв., л. 505; 4 фев. л. 578; 8 мар. т. II, л. 27 об. и сл.; 31 мая, л 373 об. (особенно важное); 481; 485 об. (особенно важное); авг. 13 л. 643 (особенно важное); 18 авг., л. 664 об. (важное по данному вопросу).

[4]) См. особенно поуч. 15 нояб., т. I, л. 276—277: «страстей же и бѣдъ, и всякія напасти не хотяй терпѣти, малъ есть предъ Богомъ» и пр.; ср. 13 февр., т. I. л. 613: «о напастяхъ и бѣдахъ»,—также—5 апр., т. II, л. 149: «слово о женѣ молившейся Богу, ей же никакая напасть не пріиде». Это слово въ высшей степени характерное. Въ немъ разсказывается объ одной женщинѣ, которая съ воплемъ и стонами молилась Богу.—на вопросъ: что съ ней случилось и чѣмъ она согрѣшила предъ Богомъ.—она отвѣчала: «не знаю, что случилось со мною, среди людей живу я и ни отъ кого никакихъ обидъ не вижу; объ этомъ плачу, что значитъ—«небреженіемъ живу къ

біе [1]), воздержаніе [2]) и довольство малымъ [3]), неустанный трудъ, какъ основа всякаго благосостоянія [4]), и пр., и пр. [5]), но нищелюбіе и ми-

---

Богу» и Богъ мой уже три года не посѣщаетъ меня никакимъ испытаніемъ: «нѣсть же болѣла ни азъ, ни дѣтищь мой, ни куря мое что пріяло скорбныхъ. И помышляющи сія, яко отвратися отъ мене Богъ грѣхъ моихъ ради, да того ради плачуся, дабы мене посѣтилъ Богъ по своей его милости»... Таковъ общій взглядъ Пролога на несчастія и бѣдствія въ жизни: они—испытаніе, посылаемое свыше, и потому должны быть переносимы безъ ропотно... Ср. 21 янв., л. 528 об.; 13 февр. л. 613.

[1]) Мар. 23 т. II, л. 93 об. (въ счетѣ стран. мартов. половины Прол. 1677 г. есть ошибка: послѣ 101 стр. повторяются стр. 71 и слѣд.).

[2]) Ср. поученія относительно пьянства, несытости въ пищѣ, цѣломудрія—7 окт., т. I, л. 125; нояб. 4 л. 231; апр. 7 т. II л. 156,—также многочисленныя слова и поученіи относительно воздержанія вообще и поста.

[3]) Ср. 3 фев. т. I стр. 574: «хлѣбъ подобаетъ ми худшій имѣти, да помышляю отнюдь (ничего) не ядущихъ, и прежде всѣхъ Владыку нашего Христа, иже горести и отцта не отречеся мене ради вкусити: се есть о Бозѣ хотѣніе»... Ср. ibid. л. 598 об.

[4]) См. «повѣсть» подъ 3 янв., т. I, л. 467—469, и подъ 31 іюля «Поученіе св. Василія къ лѣнивымъ и нехотящымъ дѣлати своими руками, и похвала къ дѣлателямъ ко всѣмъ добрымъ»,—т. II, л. 596.

[5]) Кромѣ указаннаго въ предъидущихъ цитатахъ, см. еще относящіяся сюда мѣста—Прол., 14 окт., т. I л. 151 об.,—7 нояб., л. 245,—22 нояб., л. 308,—23 дек. л. 431 и слѣд.,—февр. 3 л. 573,—февр. 9 и 10 л. 595—596 и 598 и слѣд.,—13 фев., л. 613 и слѣд.,—17 февр. л. 622,—19 февр. л. 627 об. и слѣд.,—24 февр. л. 638 об. и слѣд.,—мар. 3 т. II, л. 9, л. 19 и т. д.—Въ «Поученіи св. Василія о добродѣтели», подъ 21 января, указываются такія стороны «добродѣтельнаго житія» (приводимъ это поученіе цѣликомъ, по рукописи XII—XIII в. Новг. Соф. биб. № 1325): «Научися вѣрный человѣце (въ печ.—*че*) бытіе благочестью (въ печ.—«добродѣтели», дѣлатель. научися жити по еоуангельскому житію (этого слѣд. въ печ. нѣтъ) и словеси. очима оуправленіе. языку вздержаніе. тѣлу порабощеніе. помысли на добрая дѣла. господа ради лишаемъ не мети. ненавидимъ люби. гонимъ терпи. хоулимъ (въ печ.—«моли») оумертви грѣхъ. распьнися съ христомъ. любовь (въ печ. «всю») возложи на господа. да обрящеши ангела (въ печ. «да обрящеши идѣже тьмы ангелъ суть»). идеже тмы соуть первенци сбори (въ печ. «первенецъ соборы»). апостоли. престоли. патріарси. вѣнцы мучѣьистіи. похвалы праведныхъ. тѣхъ самъ ся причти и вжелѣй (печ. «возжелѣй»). и егда придетъ напасть на тя отъ искушенія божія. ли недугъ. ли нагота. ли скорбь. ли гладъ. искушая тѣло твое. ли ино что. ли крови пролитіе. господа

лостыня ставятся выше всѣхъ другихъ проявленій доброй нравственной жизни и въ образѣ истиннаго „нищелюбца“ Прологъ старается собрать и представить какъ бы въ одномъ цѣломъ всѣ идеальныя черты настоящаго христіанина, какимъ онъ долженъ быть, идеальныя стороны настоящей богоугодной жизни. Съ этой цѣлію, не довольствуясь постояннымъ указаніемъ, при всѣхъ случаяхъ, на необходимость добрыхъ дѣлъ для спасенія вѣрою, ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II, 20), составители Пролога приводятъ цѣлый рядъ святоотеческихъ и самостоятельныхъ русскихъ чтеній—поученій и разсказовъ спеціально на тему о нищелюбіи—о милости и милостынѣ. Изъ поученій этого рода, по разнымъ Прологамъ, можно составить цѣлый обширный сборникъ. Изодня въ день слѣдуютъ они въ теченіи всего года. Такъ, въ сентябрѣ *десять* чтеній прямо по вопросу о милости и милостынѣ, или же съ пламеннымъ призывомъ къ дѣламъ милосердія, по случаю воспоминанія великихъ и спасительныхъ событій изъ исторіи домостроительства нашего искупленія, или наконецъ въ видѣ грозныхъ прещеній противъ нарушенія и нарушителей заповѣди о любви къ ближнему,—чтеній, расположенныхъ въ такой послѣдовательности по днямъ: 3 сентября, 5, 7, 8, 9, 14, 19, 22, 24, 27, 29, въ октябрѣ такихъ чтеній *четырнадцать* (окт. 8, 9, 13, 14, 15, 16, 18, 22, 23, 25, 26, 28, 29, 31), въ ноябрѣ—*тринадцать* (нояб. 7, 8, 11, 12, 15 (два), 17 (два), 19 (два), 20, 26, 28, 29), въ декабрѣ—*двадцать пять* (дек. ч. 1 (два), 2, 4, 5, 6 (два), 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 19, 20, 23, 25, 26 (два), 27, 30, 31—два), въ январѣ—*двадцать* (янв. ч. 6, 10, 11 (два) 12, 17, 19, 20 (два), 21 23 (два), 24 (два), 25, 27, 29, 30 (два), 31), въ февралѣ—*четырнадцать* (февр. ч. 1 (два), 2, 3 (два), 6, 8, 9, 13 (два), 17, 24, 26, 28), въ мартѣ—*восемнадцать* (мар. ч. 1, 2, 6, 8, 9, 11, 15, 16, 19, 21, 22, 23 (два) 24, 27,

---

ради терпи съ похвалою божіею. надѣяся нань яко на милостива. да съ дерзновеніемъ рещи. проидохомъ сквозѣ огнь и воду. изведе ны въ оутѣху» (л. 114,—печ. Пр. т. I л. 528). Ср. 12 авг., т. II л. 641 об.

(два), 30, 31), въ апрѣлѣ—*десять* (апр. ч. 6, 8, 9 (два) 11, 14, 16, 18, 27, 30), въ маѣ—*девять* (май, ч. 1 (два), 14, 19, 27, 29 (два), 30, 31), въ іюнѣ—*четырнадцать* (іюн., ч. 3, 5, 5, 6, 7 (два) 11, 15, 17, 20, 24, 27, 28, 29, 30), въ іюлѣ—*семь* (іюл. ч. 4, 13, 19, 20 24 (два) 31), въ августѣ—*девять* (6, 8, 10, 11, 12, 14, 18, 25, 31). Всего, такимъ образомъ, больше ста пятидесяти... Такое обиліе чтеній и поученій по одному и тому же вопросу о человѣколюбіи или о „нищелюбіи", какъ оно называется въ Прологѣ, конечно, нельзя считать случайнымъ или объяснять преимущественной важностію и самымъ характеромъ даннаго вопроса. Каково бы ни было нравственно-религіозное состояніе русскаго общества въ до-Петровской Руси, но очевидно и не подлежитъ сомнѣнію, что постоянно, изо-дня въ день напоминая объ одномъ и томъ же — объ одной изъ священнѣйшихъ обязанностей человѣка христіанина, — наша церковь ставила своей прямой задачей постоянно пробуждать, поддерживать и воспитывать въ обществѣ вѣрующихъ тѣ высшія и благороднѣйшія чувства любвеобильной христіанской общественности, истинной представительницей которой являлась сама церковь, принимавшая подъ свой покровъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Съ другой стороны, не случайно также самое большее число указанныхъ чтеній въ Прологѣ отнесено на декабрь, январь, февраль и мартъ. Богъ любы есть (1 Іоан. IV, 8), и въ любви Божіей, не пощадившей Сына Своего Единороднаго насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, Прологъ указываетъ высшее основаніе и побужденіе и для нашей любви къ ближнему, а въ лицѣ Искупителя міра, снисшедшаго къ нашей немощи—„обнищавшаго насъ ради" (Прол., 14 окт., л. 151 об.) и подъявшаго на себя грѣхи міра, видитъ Верховнаго Божественнаго „нищелюбца" (см. въ Прол. поученія на зачатіе пресв. Богородицы (9 дек.), на Рождество Христово, на Богоявленіе, на Благовѣщеніе), и потому какъ нельзя болѣе соотвѣтственно было въ дни торжественныхъ воспоминаній безмѣрнаго милосердія Божія къ міру, явленнаго рожденіемъ Христа Спасителя и Богоявленіемъ, —въ такіе дни предпочтительно сосредоточить мысль и чувство вѣрующихъ

на сознаніи спасительности дѣлъ милосердія и призывать ихъ къ нищелюбію (ср. Поученіе на зачатіе пресв. Богородицы, 9 дек.). Кромѣ того, въ дни поста и покаянія, назначенные церковію на эти именно мѣсяцы (рождественскій и великій постъ), ученіе о любви къ ближнему и настоятельный призывъ къ дѣламъ милости и милосердія, которыми, — какъ постоянно внушаютъ проложныя поученія, — „очищаются грѣхи“, — представлялось наиболѣе нужнымъ и своевременнымъ [1]). „Потщимся, — говорится въ поученіи на Благовѣщеніе, — потщимся добрыя дѣтели творити, паче же въ сіи дни. Сіи суть дни Богомъ уставлени на очищеніе душамъ и тѣлесѣмъ: да не подобаетъ ихъ лѣностію и злыми дѣлы проводити“ [2]).

Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется, почему на указанные мѣсяцы отнесено наибольшее число поученій о милосердіи и милостынѣ, но это же вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ основаніе предполагать, что и вообще проложныя чтенія и поученія избирались не безъ нѣкотораго внутренняго соотношенія къ тѣмъ церковнымъ воспоминаніямъ и установленіямъ, при которыхъ они помѣщались, подъ тѣмъ или другимъ числомъ мѣсяца...

Но въ какихъ же чертахъ и какъ изображается „нищелюбіе“ въ проложныхъ церковно-учительныхъ чтеніяхъ?.. Не имѣя возможности въ настоящей, по необходимости, краткой рѣчи предста-

---

[1]) См. поученіе о покаяніи на 2 дек.: «отъ всего сердца обращайся, стенаніемъ, и плачемъ сердечнымъ. Терпѣніемъ смиряйся, и милуй нищая, и убогія, и ближнему отпущай прегрѣшенія... Милуяй рече, помилованъ будетъ. И отпустите, отпустится вамъ»... Т. I л. 340.—Ср. другія поученія о постѣ и покаяніи, въ декабрѣ и янв.— т. I, л. 420; 449; 457; 552 об.; 564; т. II, л. 50 об.—О древне-рус. поученіяхъ въ дни великаго поста см. статью покойн. А. В. Горскаго, въ «Прибавл. къ Твор. св. отц.» 1858 г., ч. XVII, а самыя поученія въ воскресные дни поста—въ изд. Ев. Пѣтухова, въ «Сборн. отдѣл. русск. яз. и словесности Импер. Академіи Наукъ», 1886 г., т. XL, № 3 (съ критическими замѣчаніями объ нихъ).

[2]) Т. II, л. 100,—ср. ibid. л. 103 об.—104; ср. 9 дек., т. I л. 376. (въ рук. XIII в. Соф. № 1525 есть уже это поученіе, несомнѣнно русскаго происхожденія—см. л. 66 об.).

вить предъ вами во всѣхъ подробностяхъ широкую картину христіанскаго милосердія и благотворительности, находимую въ Прологахъ, я укажу лишь общія черты, по которымъ можно судить и о цѣломъ...

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II, 20), дѣла же любви— милость и милостыня въ ихъ разнообразнѣйшихъ видахъ и проявленіяхъ (Мо. 25, 36, 38, 42 и др.), — таково евангельское ученіе, и такова именно общая мысль, лежащая въ основѣ всѣхъ проложныхъ поученій о нищелюбіи. Въ Поученіи подъ 15 марта, на вопросъ: „Что есть знаменіе истиннаго христіанина?“—читаемъ: „Вѣра права и дѣла благочестива истиннаго христіанина есть. Христіанинъ бо есть истовый домъ Христовъ, дѣлы добрыми и благочестивыми ученіи состояся. Истинная бо вѣра дѣлы искушается: сего ради вѣра безъ дѣлъ мертва есть, якоже и дѣла безъ вѣры... Правою вѣрою и дѣлы добрыми зиждется домъ душевный“ (Т. II, 55 об. 56) [1]. Это общее ученіе слова Божія о дѣлахъ любви христіанской излагаютъ и разъясняютъ проложныя чтенія и поученія, по мѣстамъ даже прямо подборомъ относящихся сюда мѣстъ св. Писанія, съ соотвѣтственными указаніями и разъясненіями, напр. въ поученіяхъ на предпразднество Рождества Богородицы, 7 сент., на 17 и 20 нояб., на 10 и 25 дек., на 3 авг. и др. Правая вѣра составляетъ основу внутренней жизни человѣка-христіанина, дѣла же добрыя, происходящія отъ нея— его внѣшнее проявленіе, обнаруженіе его во-внѣ. А чѣмъ инымъ можно въявѣ и дѣйственно показать истинную вѣру и любовь ко Христу, возлюбившему міръ, какъ не слѣдованіемъ путемъ Христовымъ и дѣятельнымъ служеніемъ Ему въ дѣлахъ любви и милости? И вотъ, „нищелюбіе“ — милость и милостыня, поучаютъ проложныя чтенія,—не только предписываются для всѣхъ обязательными евангельскими заповѣдями, составляютъ законъ Христовъ, но и указуютъ на прямое слѣдованіе путемъ Христовымъ, на служеніе Христу, который и Самъ, какъ внушается въ проложныхъ

---

[1]) Ср. 17 нояб., т. I л. 285; дек. 21 л. 424; янв. 12, л. 505; іюня 5 т. II, л. 389.

поученіяхъ—„нищь быти изволи насъ ради“, да своею нищетой насъ обогатитъ. Поэтому, „милуяй нища,—поучаютъ они,—Самого Христа милуемъ“, т. е. дѣйствительно показуемъ свою любовь къ нему, и „подающій нищему—Самому Христу подаетъ“, потому что „Самъ Христосъ Вседержитель,—читаемъ мы въ одномъ поученіи,—ходитъ по землѣ въ образѣ нищаго и проситъ у насъ милостыни“ [1]). И эта мысль въ Прологѣ, какъ и всѣ вообще отдѣльныя черты христіанскаго ученія о любви къ ближнему, — не просто передается и раскрывается какъ мысль, какъ общее положеніе, но тутъ же непосредственно иллюстрируется и подтверждается сообщеніемъ фактическихъ данныхъ изъ жизни и душеспасительнаго опыта, служащихъ для нея очевиднымъ и какъ бы наглядным подтвержденіемъ. Вотъ, напр., одинъ изъ многихъ разсказовъ Пролога на тему, что въ каждомъ—кто бы онъ ни былъ—въ каждомъ, кто нуждается, ищетъ нашей помощи, мы должны видѣть и принимать прежде всего своего ближняго, своего брата, и что, затѣмъ, помогающій бѣдному, подающій нищему или пріемлющій страннаго—самому Христу служитъ. Подъ 18 октября помѣщено слово или разсказъ, подъ заглавіемъ: „Слово о нѣкоемъ игуменѣ его же искуси Христосъ въ образѣ нищаго“... Жилъ на свѣтѣ нѣкій игуменъ-настоятель или старѣйшина одного общежительнаго монастыря, человѣкъ—„исперва нищелюбивъ, послѣди же славолюбивъ, имѣяй великую любовь къ богатымъ боярамъ, и отъ тѣхъ славимый“. Къ нему-то приходитъ Господь въ образѣ „убогаго старца“, и говоритъ привратнику: „поди, скажи игумену, что пришелъ убогій старецъ, его братъ, издалека, усталый и утомленный“. Привратникъ находитъ игумена „бесѣдующаго съ богатыми“, поджидаетъ немного, а потомъ рѣшается извѣстить о приходѣ какого-то убогаго, „не зная, говорится въ текстѣ Слова, что это Христосъ“. Игуменъ въ гнѣвѣ кричитъ на него: „развѣ ты

---

[1]) См. 8 и 19 сент., т. I л. 26 и 50; дек. 26, л. 442 и об.,—ср. подъ 17 янв. разсказъ «о черноризцѣ Макаріи како Христа носилъ»—Христа явившагося въ образѣ нищаго, покрытаго струпьями и лежавшаго на пути, по которому Макарій шелъ (л. 516),—также подъ 19 янв. и др.

не видишь, съ какими людьми я бесѣдую". Значитъ: „какъ ты смѣешь мѣшать моей бесѣдѣ? И кто позволилъ тебѣ пустить какого-то нищаго? Иди вонъ" („небрезн нынѣ"). Привратникъ уходитъ. Долготерпѣливый же Господь, говорится далѣе въ Словѣ, дожидается, не покажется ли самъ игуменъ. И вотъ, около пяти часовъ — „богатъ нѣкто пріиде". Игуменъ поспѣшно бѣжитъ на встрѣчу къ нему, самъ встрѣчаетъ и принимаетъ его въ воротахъ („его же въ борзѣ игуменъ самъ во вратѣхъ срѣте"). И тутъ, увидѣвъ игумена съ богатыми, „богатый милостію, и смиренныхъ другъ Христосъ", говорится въ Словѣ, — умоляетъ его удѣлить ему одну минуту—выслушать его. Игуменъ же не удостоилъ его и взгляда, „пошелъ обѣдать съ богатыми". Кончился обѣдъ, игуменъ снова самъ до воротъ провожаетъ своихъ дорогихъ гостей, и снова, возвращаясь къ себѣ, не обращаетъ никакого вниманія на мольбы и просьбы убогаго старца — принять его. Такъ до вечера простоялъ онъ у воротъ и не былъ принятъ. Онъ удаляется и, отходя, говоритъ привратнику: „Скажи игумену, что почестей и славы человѣческой жаждетъ онъ теперь. Я же приходилъ къ нему за тѣмъ, чтобы ради его прежнихъ трудовъ и прежней жизни преподать ему благословеніе, но онъ не восхотѣлъ. И вотъ теперь со всей страны вельможъ пошлю къ нему, ихъ онъ ищетъ и требуетъ, благія же царства моего—нищіе, убогіе—теперь уже не нужны ему"... „И тако познася, говорится въ заключеніи Слова,—Вседержитель Христосъ во образѣ нищаго пришедый"... Вслѣдъ затѣмъ дѣлается нравственно-назидательное примѣненіе и обращеніе къ слушателямъ, по поводу разсказаннаго въ Словѣ: „Сіе же мы слышаще, братіе, не отвращаемъ очію отъ убогихъ, зане Самъ Христосъ Вседержитель ходитъ во образѣ нищаго. Дающіи бо нищему, Христу въ руцы даютъ" (Прол., т. I, л. 167—168). При такомъ общемъ взглядѣ на дѣла любви христіанской, и въ частности на милость и милостыню, Прологъ описываетъ „нищелюбіе" какъ одну изъ высочайшихъ добродѣтелей, украшающихъ человѣка—христіанина: „она больши есть молитвы, поста и иныхъ спасительныхъ и богоугодныхъ дѣлъ" (27 марта, т. II, л. 109 об.). „Возжегъ ли еси свѣщу въ

церкви, читаемъ въ проложномъ поученіи,—то—добрѣ; но вниде убогій обидѣнъ тобою, и вздохнувъ на тя со слезами и угаси свѣтленіе твоея свѣщи“ (24 января, т. I, л. 539). „Аще постишися, читаемъ въ другомъ поученіи,—покажи ми отъ дѣлъ твоихъ. Которыхъ, рече. Видѣвъ нищаго—помилуй,—со врагомъ смирися“ и проч. (9 апрѣля, т. II, л. 163 об.). „Ничто же есть дѣвства выше, говорится въ поученіи подъ 31 марта,—его же ни въ новомъ законѣ выше положи Господь: обаче и дѣвы изгонятся понеже милостыни не имѣша“, и Господь „скажетъ таковымъ: не вѣмъ васъ“ (т. II, л. 29, и т. I, л. 505 и об.). Высоко-спасительна также любовь къ Слову Божію, непрестанное чтеніе и изученіе его (см. поученіе 18 марта, т. II, л. 315 об.—316), но и все это — ничто предъ Богомъ, если человѣкъ живетъ только для себя, не заботится о ближнихъ, не имѣетъ дѣлъ милости. Приходятъ нѣкогда къ одному старцу въ скитъ три брата и начинаютъ его спрашивать... „Отче, говоритъ первый изъ нихъ,—навыкохъ Ветхій и Новый Законъ изустъ“, то есть онъ знаетъ тотъ и другой наизустъ. И отвѣчаетъ ему старецъ: „наполнилъ еси аеръ—воздухъ—словесы, и нѣсть ти пользы“. И второй спрашиваетъ, говоря о себѣ: „а я Ветхій и Новый Законъ самъ списалъ для себя“. „И ты, отвѣчаетъ ему старецъ, оконца исполнилъ еси кожами, и нѣсть ти пользы“. Наконецъ, третій говоритъ о себѣ: „а у меня на огни́щи—(огни́ще—жаровня съ углями, очагъ, словомъ—мѣсто для раскладыванія огня) [1]) взросло есть быліе (зелень, трава)“. „Ты, сказалъ ему старецъ,—страннолюбіе отгналъ еси отъ себѣ“, то-есть также живешь только для себя и о себѣ только заботишься,—„и нѣсть ти пользы“. „Но аще хощете спастися,—заключаетъ старецъ, обращаясь уже ко всѣмъ тремъ,—то имѣйте ко всѣмъ любовь, и милости прилежите“ (20 декабря, т. I, л. 525 об.). Словомъ, безъ добрыхъ дѣлъ, безъ милости и милостыни, не спасутъ человѣка никакія личныя совершенства, никакія личныя пріобрѣтенія, заслуги и под-

---

[1]) См. Общій церк.—славян.—россійскій словарь, 1834 г., стр. 90; Словарь церк.—слав. языка Акад. Наукъ, т. III стр. 45.

виги: „еже о себѣ жити единому,—съ рѣшительной непреложностію заявляется въ одномъ проложномъ поученіи, — иныя же вся презирати, ненавистенъ человѣкъ той и чуждъ христіанства“ (31 марта, т. I, л. 129 об.)... Поэтому, самыми восторженными чертами изображается въ Прологѣ спасительная сила милости и милостыни предъ Богомъ. „Милостыней и вѣрою, поучаютъ проложныя чтенія,—очищаются грѣхи“ (12 ноября, л. 265; января, 12 л. 505 об., марта 7 т. II, л. 23 об. и др.); она—„жертва, угодная Богу, ибо сказано въ Писаніи: милости хощу, а не жертвы (Мѳ. IX, 13; XII, 7), и тамъ же сказано: „творите милостыню да и вамъ будетъ милостивъ Господь“, „дадите и дастся вамъ“ (ср. 11 марта, т. II, л. 38: „Слово св. Григорія о милостыни“,—также 26 января, т. I, л. 525 об. и мн. др.). „Ничто такъ не приближаетъ къ Богу, какъ милостыня“: „она на небо возводитъ и царствію двери отверзаетъ“ (9 апрѣля, т. II, л. 163; 7 сентября, т. I, л. 20 об.; 1 февраля л. 569), „покаяніемъ и добрыми дѣлами, но болѣе всего милостыней“ мы избавляемся „отъ насилія бѣсовскихъ мытарствъ“, по исходѣ души изъ тѣла (29 октября, т. I, л. 213 об.). Въ восторженныхъ, диѳирамбическихъ описаніяхъ великой спасительной силы добрыхъ дѣлъ, проложныя поученія по мѣстамъ прямо возводятъ милостыню въ настоящій поэтическій апоѳеозъ. Такъ въ „Словѣ св. Іоанна Златоустаго о милостыни“ [1]), подъ 11 ноября, читаемъ: „Ми-

---

[1]) Приводимъ это замѣчательное Слово въ полномъ текстѣ по списку XIII—XIV в., Новг. Соф. библ. № 1324: «Милостиня ремествьница есть моудра. и приставнича есть дѣлающимъ ю. и дружка божия есть. и присно близъ его предстоить. и о немъ хощеть оудобь просить благодати. нъ тъкмо ѡбидима есть нами егда отъ въсхыщенія творимъ ю. а егъда честна есть. много имать дьрзновеніе. и связаемъ рѣшитъ оузы. и разрѣшаеть (sic) тмоу. и оугасаеть ѡгнь. оумьрщвяеть смрть. изгонить скръжеть зоубомъ. сеи съ многою радостью отвьрзаются небесная врата. царица бо во истіноу есть. и подобны члвкы творящи богоу. боудете бо рече щедри яко отець вашъ небесный. крилата бо есть лъгька. крилѣ имущи злата. лѣтеніе имущи прѣоукрашающи ангелы. тамо вѣща. крилѣ голубинѣ посребренѣ. и межурамье ея въ блъщани и златѣ. якоже паче голоуба злата иже вълѣтающь вѣкома. назирающь ѡкомь кроткымь. ничтоже ѡка того

лостыня ремественница (ремесленница, дѣлательница—см. Акад. Слов. s. v.) есть мудра и приставница (приставленная для храненія или надзора—ibid. s. voc.) дѣлающимъ ю, и содружебница (въ рукоп.; „и дружба“) Божія есть, и присно близъ Его предстоитъ, и о немъ же хощетъ, удобь приноситъ благодати... Она разрушаетъ тьму, угашаетъ огонь, умерщвляетъ червь, изгоняетъ зубомъ скрежетъ. И со многою радостію отверзаетъ небесныя врата. Царица бо есть во истину, подобны творящи человѣки Богу... Крилата есть и легка, и крилѣ имущи златѣ, летаніе имущи преукрашающее ангелы... Яко паче голубь златъ и живъ летающь, вѣкома взирающь окомъ кроткимъ, и ничтоже ока того краше. Добра есть и пава, но къ сей ничто же зритъ... Дѣвица есть крилѣ имущи златѣ, бѣло имущи лице и тихо, крилата есть и легка, у престола предстоящи царска. Внегда судими будемъ, внезапу предстанетъ и явится, и изметъ насъ отъ мученія, своима крылома одѣвающи. Таковыя убо жертвы хощетъ Богъ отъ насъ“... (Прол., т. I, л. 262 об.—263). Такими диѳирамбическими чертами изображается милостыня въ проложныхъ поученіяхъ. Богъ не внемлетъ молитвѣ даже величайшихъ праведниковъ, если они возсылаютъ свои молитвы за людей чѣмъ либо повинныхъ въ отношеніяхъ къ милости и милостынѣ. Одинъ игуменъ, „украшенный всякою добродѣтелію и милостивый на нищыя“, молилъ Бога, чтобы и по смерти ему быть вмѣстѣ съ своими учениками, и ему было показано и возвѣщено свыше, что молитва его не можетъ быть услышана, такъ какъ ученики его не таковы какъ онъ, потому что они повинны въ немилосердіи—„не оказали помощи одному убогому, встрѣченному ими на пути“ [1])... И напротивъ, одинъ кусокъ хлѣба, къ тому же по нуждѣ брошенный нищему, на вѣсахъ правосудія

краше. добра есть и пава. въ ксеи ни вчто же. птица есть красна и чудьна. и спрь (вспрь) зрить. дѣвица есть крилѣ имущи златѣ. бѣло имуще личе. крилата есть и красна и лькга. оу престола престоящи царьска. въ ньгда соудитъся. ънезапоу прѣдъстоить и являеться изимаетъ насъ отъ мучения. своима крилома одѣвающи. такоя жьртвы хощеть богъ» (л. 227 об.—228).

[1]) Сент. 24 т. I л. 65 об., см. л. 69.

и милосердія Божія вмѣняется въ заслугу человѣку [1])... Ради милостыни дозволяется даже „хитрость“, то-есть нѣчто такое, что съ высшей нравственной точки зрѣнія могло бы казаться недопустимымъ. Такъ, подъ 1 марта, въ Прологѣ находится Слово объ Іоаннѣ, епископѣ іерусалимскомъ, „како Епифаній хитростію взя у него сребро и раздаде нищимъ“. Въ Словѣ этомъ разсказывается объ іерусалимскомъ епископѣ Іоаннѣ, который былъ человѣкъ богатый, но сребролюбецъ, обладалъ большимъ имѣніемъ, но ничего не подавалъ „требующимъ“—нуждающимся. Тщетно св. Епифаній посылалъ къ нему увѣщательныя посланія, прося его помогать бѣднымъ: сребролюбивый и скупой епископъ не слушался его увѣщаній. Тогда онъ самъ приходитъ въ Іерусалимъ и, воспользовавшись почетнымъ пріемомъ и вниманіемъ къ нему сребролюбиваго епископа, выпрашиваетъ у него разныя серебреныя вещи, подъ предлогомъ какъ бы для своего личнаго пользованія на нѣкоторое время, но тотчасъ же продаетъ ихъ и раздаетъ деньги нищимъ (т. II, л. 2 об.—3). Еще болѣе характерное повѣствованіе такого же рода приводится подъ 30 марта... Жила въ Александріи нѣкая дѣвица Мононія, которая, по словамъ автора повѣствованія,—„отъ юности бывши черноризица“, по внѣшности

---

[1]) Слово о Петрѣ мытарѣ (22 сент., т. I, л. 65 и слѣд.), жестокосердомъ по отношенію къ нищей братіи, которому и *одинъ хлѣбъ*, къ тому же—*противъ его желанія брошенный нищему* (везъ онъ хлѣбы князю на обѣдъ,—нищій попросилъ у него милостыни, и онъ не найдя камня, чтобы бросить въ нищаго, бросилъ хлѣбомъ), послужилъ во спасеніе: «и начаша ангели вѣсити по смерти (онъ умеръ но потомъ чудесно былъ возвращенъ къ жизни) дѣла его, и не обрѣтоша добра дѣла что приложити, токмо единъ сіи хлѣбъ, имъ же нищею одарилъ, возложиста, и претяжа вся бѣсовская злодѣйства. Рѣста же ему ангела: иди, Петръ, и приложи къ сему, и добро ти будетъ. Тогда вниде паки душа его въ тѣло, и оттолѣ нача милостивъ быти».—Ср. поученіе 6 мар.: «О милостыни, яко ничто же противится милостыни» (т. II, л. 19 об.—20): Зенонъ, царь, насиліемъ отнялъ у одной вдовицы дочь,—вдовица долго и усердно молилась Богородицѣ, говоря: «Мсти мене отъ Зенона царя». Пресвятая Богородица является ей и говоритъ: «Вѣру ими ми жено, многажды восхотѣхъ месть твою сотворити, но рука его возбраняетъ ми, есть бо милостивъ зело. Да никто же возможетъ на милостивыя злобою»...

казалась смиренною и боголюбивой, а въ дѣйствительности была „кумиролюбица“, потому что любила богатство, копила золото, между тѣмъ никогда отъ своего имѣнія не давала милостыни—ни страннымъ, ни убогимъ, ни вдовицамъ... И вотъ въ отношеніи къ ней-то, желая „преложити ее на милостыню“, св. Макарій пресвитеръ, „приставникъ нищихъ и клосныхъ“ (убогихъ), — употребляетъ такую хитрость. Такъ какъ онъ былъ искусный ювелиръ— „драгаго каменія дѣлатель“, то однажды приходитъ къ Мононіи и предлагаетъ ей купить за недорогую цѣну, всего за 500 золотыхъ, драгоцѣнные камни—смарагдъ и ѵакинѳъ, которыя будто-бы принесъ ему кто-то для продажи, тогда какъ они стоятъ несравненно дороже. Мононія съ радостью вручаетъ ему 500 золотыхъ. Макарій уходитъ и тотчасъ раздаетъ деньги нищимъ. Мононія ожидаетъ, когда онъ явится съ пріобрѣтенными драгоцѣнностями, проходитъ много времени — Макарій не является, наконецъ Мононія встрѣчаетъ его въ церкви и спрашиваетъ о своихъ деньгахъ. Макарій говоритъ, что въ тотъ же день, какъ только получены были деньги, онъ отдалъ ихъ въ уплату за драгоцѣнныя камни, и предлагаетъ ей пойти къ домъ къ нему и посмотрѣть купленныя имъ драгоцѣнности, и если понравятся, взять ихъ, если же нѣтъ—онъ возвратитъ ей деньги обратно. Въ домѣ же его, говоритъ повѣствователь, на верху были помѣщены мужчины, а внизу женщины. Мононія съ нетерпѣніемъ спѣшитъ въ домъ св. Макарія, чтобы осмотрѣть драгоцѣнные камни. Макарій спрашиваетъ, что она хочетъ видѣть — „ѵакинѳъ или смарагдъ?“ „Что тебѣ угодно“, отвѣчаетъ она. И тогда св. Макарій „возведе ю на горнюю хлѣвину (въ верхнее помѣщеніе), и показа ей хромыя, и слѣпыя, и разслабленныя. И рече: се есть ѵакинѳъ“. Потомъ онъ сводитъ ее въ нижнее помѣщеніе, показываетъ ей бѣдныхъ и убогихъ женщинъ и говоритъ: „а се смарагдъ“. „И мни, заключаетъ онъ, сихъ честнѣе, т. е. драгоцѣннѣе, ничто же обрящется...“ [1]). Подобное разсказывается въ Прологѣ и о св. Зотикѣ страннопріимцѣ (31 дек.), скупавшемъ въ Константинополѣ прокаженныхъ, кото-

[1]) Прол., т. II л. 121—122.

рыхъ, по повелѣнію царя, слѣдовало кидать въ море, о св. Ѳеодорѣ Стратилатѣ и о другихъ [1]). Въ поясненіе же и оправданіе такого рода дѣйствій, могущихъ показаться не-нравственными, въ Прологѣ приводится слѣдующій вѣскій аргументъ: „Дѣло бо сіе есть отъ прелести дьяволи, еже имѣніе держати и не творити милостыни нищимъ. Дьяволъ бо не дастъ о души пещися, но паче научаетъ обидѣти сироты, и ближняго, и презирати отца и мать, да яко убійцамъ уподобится“ (мар. 31, т. II, л. 121). Значитъ, понужденіе къ дѣламъ милосердія, хотя бы и указаннымъ путемъ, а именно—съ допущеніемъ „хитрости“, считается какъ бы освобожденіемъ человѣка отъ прелестей дьявола и отъ неизбѣжной нравственной гибели, въ которую онъ повергаетъ себя, оставаясь жестокосердымъ и немилостивымъ...

Такъ вообще высоко ставится въ Прологѣ „нищелюбіе“...

Далѣе, въ чемъ именно, съ какими свойствами и въ какихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ должна проявляться любовь наша къ ближнему, а также—въ чемъ состоитъ милостыня, кому и какъ должны мы оказывать милость и милостыню?.. И по этимъ вопросамъ проложныя чтенія даютъ подробныя, подкрѣпляемыя фактами и примѣрами изъ жизни, указанія и разъясненія, основанныя на евангельскомъ ученіи о свойствахъ и видахъ проявленія любви къ ближнему. Прежде всего, въ нихъ внушается непрестанное серьезное и глубокое вниманіе человѣка („бодрствованіе“) къ самому себѣ, касательно его внутренняго и внѣшняго поведенія относительно ближняго: „истинну христіанину, поучаютъ они,—свѣтилу подобаетъ быти міру, и соли, отъ всего знаему, отъ хожденія, и отъ взора, и образа, и отъ гласа, и отъ стоянія, и отъ сидѣнія“ (6 фев., т. I, л. 588). Мы должны такъ устроять себя духовно въ отношеніяхъ къ ближнему, чтобы „ни словомъ, ни дѣломъ, ниже мыслію“ не заявлять въ себѣ какихъ-либо посягательствъ на

---

[1]) Ibid. т. I, л. 455 и сл.; л. 592,—ср. т. II, л. 512 об. (9 іюля).

его нравственное достоинство и на его личное человѣческое существованіе, видѣть въ немъ самихъ себя, съ сознаніемъ всѣхъ нашихъ немощей, и любить его также какъ самихъ себя. Поэтому, въ Прологѣ подробно разъясняются и подвергаются строгому осужденію всѣ виды нарушенія любви къ ближнему, всѣ виды посягательства на его личность: гордость, надменность и высокомѣріе [1]), гнѣвъ и злопамятованіе [2]), обманъ, ложь, клевета, зависть, наговоры [3]), братоненавидѣніе, вражда и ссоры, притѣсненія разнаго рода, жестокость, и пр., и пр. [4]). Противъ всего этого Прологъ вооружается грознымъ словомъ осужденія и обличенія, не щадя никого—ни сильныхъ и славныхъ въ земномъ вѣкѣ, ни слабыхъ и немощныхъ [5]). Съ грознымъ пророческимъ словомъ обращается онъ къ князьямъ, забывшимъ законъ Божій—раздорами, „непокореніемъ брата брату“ доводящимъ земли свои до запустѣнія: вѣчною погибелью онъ угрожаетъ имъ (сент. 5, т. I, л. 16),—бичуетъ неправосудіе и лицепріятіе, несытость въ богатствѣ, называя таковое грабежемъ (13 окт. л. 125 об.), и пр. Въ каждомъ, кто держитъ вѣру Христову, онъ научаетъ видѣть ближняго (25 дек., т, 1,

---

[1]) См. 25 и 29 окт. л. 194—195 и 213 и об.; 10 и 12 янв., л. 502 об. и 505; февр. 26 л. 644; мар. 8 т. II, л. 27 об. (начало: «яко же бо садъ не потребляемь отъ хвастія не можетъ расти, тако и человѣкъ гордъ не можетъ спастися, аще не смиреніемъ гордость потребитъ и покорнымъ покаяніемъ»,—заключеніе: «о богатіи не гордитеся о имѣніи своемъ, и тлѣющыми не хвалитеся»...); іюл. 10, л. 519,—ср. въ рукоп. Прол. Соф. библ. № 1443 л. 188 об.—189: «Слово на мудрыя философы»—противъ людей, превозносящихся мірскою мудростію.

[2]) 19 сент., т. I, л. 80—81; окт. 6 и 17 л. 120 и 163; мар. 19 л. 80—81.

[3]) Противъ лжи, клеветы, осужденія ближняго—9 и 27 сент., т. I л. 29 об. и 51; окт. 18 и 22, л. 168 и 184—185; дек. 16, л. 407 об., янв. 30 л. 561 и 562, мар. 2, т. II, л. 6, іюн. 15 л. 427, іюл. 18 л. 551.

[4]) См. Слово св. Василія о смерти (5 іюня, т. II, л. 389—390): общія черты христіанской любви къ ближнему и прегрѣшенія противъ нея, указанныя въ этомъ словѣ, приводятся и въ подробностяхъ разъясняются во множествѣ другихъ мѣстъ Пролога.

[5]) Ср. грозное слово Петра черноризца «на богатыя и убогія»—31 окт., т. I, л. 189.

л. 437), и въ отношеніяхъ къ каждому предписываетъ поведеніе, согласное съ основными требованіями Закона Божія о любви къ ближнему: „любовь ко всѣмъ и милостыня, т. е. дѣла любви— вотъ въ чемъ спасеніе“ (20 янв., т. I, л. 525 об.). Но въ частности, въ отношеніяхъ къ милости и милостынѣ, Прологъ принимаетъ подъ свою авторитетную и любвеобильную защиту именно слабыхъ и немощныхъ міра сего, противъ сильныхъ и властныхъ, научаетъ любить тѣхъ, кого Господь называетъ „своею братіей“. „Кіи суть ближніи наши,—читаемъ въ „Поученіи на предпраздненство Срѣтенія Господня“ (1 февр.),—не сіи ли, съ ними же сотворимъ милость: слѣпіи, хроміи, алчніи, странніи, ихъ же Господь братіей нарече. На тѣхъ бо, аще сотворимъ милость, то тіи намъ отверзутъ райскіе двери, и безъ студа введутъ въ породу—въ рай (παράδεισος—paradisus), аще не скупостію затворимся“ (т. I, л. 569)[1]. На любви къ „меньшой братіи“, на заботахъ и внимательномъ попеченіи о малыхъ сихъ и неимущихъ, больныхъ, „наче же о находящихся въ бѣдахъ“ и въ горѣ,—Прологъ и призываетъ сосредоточить по преимуществу дѣла христіанскаго милосердія, на нихъ постоянно указываетъ, за нихъ взываетъ о милости и о подаяніи милостыни. Но и въ этомъ случаѣ, первѣе всего, однакожъ, мы должны быть *милостивы къ самимъ себѣ*, да „цѣлъ будетъ нашъ *внутренній человѣкъ*“ [2]) соблюденіемъ чистоты душевной и тѣлесной, воздержаніемъ отъ страстей и пороковъ, губящихъ тѣло и душу: отъ пьянства, блуда, чревогоугодія [3]) и пр.,—запятнанныхъ хотя однимъ изъ этихъ пороковъ милостыня не спасетъ: „аще милостивецъ еси истиненъ, то себѣ ти подобаетъ прежде помиловати, и чистоту тѣлесную соблюсти, безъ нея же

---

[1]) Ср. 5 мар. л. 17, т. II,—27 мар. л. 109; 31 мая, л. 374 об.; 20 іюн., л. 443—444; 27 іюн., л. 469 об.. и 470; 2 іюля, л. 482; 31 іюля, л. 596—597 и др.

[2]) См. 7 окт. «Поученіе св. Антіоха о пьянствѣ», т. I, л. 125.

[3]) См. указан. поученіе св. Антіоха, затѣмъ грозное «Поученіе къ царямъ, и княземъ, къ епископомъ и попомъ, и ко всѣмъ христіаномъ, еже не упиватися»—7 апр., т. II, л. 156 об.,—о цѣломудріи и воздержаніи—4 нояб., т. I, л. 231 и др.

никто же узритъ Бога. Ничто же ползуетъ даемое серебро изъ руки нечисты и души непокаянны“ (авг. 12, т. II, л. 641). Научая быть милостивыми къ самимъ себѣ въ этомъ именно смыслѣ, въ смыслѣ личнаго нравственнаго благопопеченія, проложныя чтенія внушаютъ затѣмъ „милость творити о своихъ домашнихъ“—имѣть кротость и благопопеченіе въ семьѣ: „Веселъ ли еси отъ князя ходиши, твори такожде, да и въ дому твоемъ не скорбящи ходятъ домашніи твои. Не мала бо милостыня есть, еже своя безъ печали сотворити, и безъ воздыханія, и безъ слезъ. Аще бо достойни будутъ казни, то въ тоя мѣсто помиловани будутъ, яко милостію содрогнутся и накажутся“ (27 апр., т. II, л. 222). Или, въ другомъ мѣстѣ, въ отношеніи къ домашней челяди и къ рабамъ: „Такови убо рабѣмъ своимъ будемъ, яко же хощемъ владыку къ намъ быти. Велія бо сія есть милостыня, еже свой домъ не въ нужи держати, ниже рабомъ подъ ранами кормити“ (27 мар. т. II, л. 109 об., ср. 5 мар. ibid. л. 18)[1]). Въ вопросѣ о рабахъ, о закабаленныхъ и вообще о несвободныхъ людяхъ древне-русская церковь стояла во-истину на высотѣ своего христіанскаго призванія въ обществѣ и въ государствѣ: „Изъ церкви,—по словамъ одного изслѣдователя древне-русской жизни,—съ каѳедры храма, изъ монастыря, изъ келліи подвижника, въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ, неумолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или по крайней мѣрѣ улучшенія ихъ матеріальнаго и нравственнаго быта“ [2]). Церковными канонами и пастырскими посланіями строго внушалось священникамъ отнюдь не принимать въ храмъ даровъ

---

[1]) Относительно обязанностей господъ и домохозяевъ не только милостиво и ласково обращаться съ своими рабами и слугами, но и учить и наставлять ихъ въ Законѣ Божіемъ—см. въ Домостроѣ гл. 24 (по изд. Яковлева, 1887 г. стр. 50 и сл.);—ср. брошюру Щапова: «Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей». К. 1859,—стр. 17.

[2]) См. брошюру (рѣчь) А. Щапова: «Голосъ древней русской церкви» и пр., стр. 12,—ср. «Прав. Собес.», 1861 г., ч. I, ст. «Попеченіе отечественной церкви о внутреннемъ благоустройствѣ рус. гражд. общества въ XIII—XV в.», стр. 184 и сл.

„отъ злаго господина, который челядь свою муками и ранами томитъ, налагаетъ на нихъ работу не по силамъ, моритъ голодомъ, томитъ наготою“... [1]). Въ Прологѣ, подъ 15 окт., въ видѣніи св. Андрея юродиваго представлена поразительно яркая картина смерти такого богатаго и жестокосердаго господина, который „былъ лютъ въ своемъ житіи... и убогую свою челядь моряше гладомъ, и ранами и наготою, безъ портъ и безъ обуви оставляя ихъ водни зимныя, многихъ убо бивъ убивъ и подъ конскій помостъ подкопавъ“, и вотъ онъ умеръ, его хоронятъ, и—цѣлое сатанинское воинство, съ княземъ бѣсовскимъ во главѣ, съ гикомъ, плясками и со всевозможными сатанинскими мерзостями окружаетъ и сопровождаетъ его до могилы (т. I, л. 155). Въ сказаніи о хожденіи св. Ѳеодоры по мытарствамъ, помѣщенномъ въ Прологѣ подъ 30 декабря—„жестокосердіе—немилосердіе“ отнесено къ 20 мытарству, послѣднему и самому жестокому, непосредственно отдѣляющему мытарства отъ „небесныхъ вратъ“ [2]). Въ частности, древне-русская проповѣдь, а также и проложныя чтенія, съ особенной силою осуждали тѣ виды угнетенія слабыхъ и неимущихъ, которые съ точки зрѣнія христіанскаго милосердія должны были представляться особенно преступными, это—такъ называемое изгойство, затѣмъ,—рѣ-

---

[1]) Сборникъ Соловец. библ. № 826, л. 311: «поученіе еже во святыхъ отца нашего Евфимія, архіепископа великаго Новгорода»,—также Кормчая Сол. библ. № 858 (см. въ указ. брош. Щапова, стр. 13 и примѣч., также въ ст. «Прав. Собес.», 1861 г., ч. I, стр. 193 и слѣд.).

[2]) Въ частности, въ житіи Ѳеодоры, извлеченія изъ котораго приводятся въ Прологѣ и которое было чрезвычайно популярнымъ въ древне-русской народной литературѣ (особенно благодаря посредству такъ называемыхъ синодиковъ, въ которые оно входило иногда цѣликомъ, иногда же по частямъ),—ученіе о милостынѣ составляетъ самое существенное: оно—«его нервъ, его центръ», по словамъ новѣйшаго изслѣдователя этого житія, проф. А. Н. Веселовскаго... Въ послѣдней части этого житія, въ видѣніи страшнаго суда, милостыня является въ «поэтическомъ олицетвореніи» и описывается тѣми самыми чертами, какими она изображается, какъ мы видѣли выше, въ Прологѣ, какъ—«превосходящая всѣ добродѣтели»... Веселовскій, А. Н., Разысканія въ области русскаго духовн. стиха, XI—XVII, вып. 5, Спб., 1889 г., стр. 131—132.

зоиманіе или ростовщичество и лихоимство. Первое касалось собственно людей закабаленныхъ въ неволю, но за деньги желавшихъ купить себѣ свободу: изгоями были господа, которые или не хотѣли ни за какія деньги отпускать своихъ рабовъ, или только за безбожную цѣну соглашались даровать имъ личную свободу. Рѣзоиманіе и лихоимство касалось уже всѣхъ вообще бѣдняковъ. Относительно изгойства, которое, впрочемъ, съ церковной точки зрѣнія разсматривалось, да и на самомъ дѣлѣ было тоже, что и ростовщичество и лихоимство, прямыхъ и опредѣленныхъ указаній въ проложныхъ чтеніяхъ не встрѣчается [1]),—ростовщичество и лихва или „лишшеиманіе“ (взиманіе большаго чѣмъ слѣдуетъ), напротивъ, въ цѣломъ рядѣ чтеній изображаются какъ величайшее преступленіе, какъ смертный, непростимый грѣхъ противъ закона о любви къ ближнему, и ростовщики и лихоимцы, какъ и всѣ вообще наживающіе богатство неправдою, путемъ обмана и угнетенія ближняго, прямо называются здѣсь „разбойниками“ и „грабителями“... „Мздоимецъ и рѣзоимецъ, и сребролюбецъ, и грабитель—едина есть колесница четверична, имуща гордостнаго вожатая—сатану“,—читаемъ въ поученіи подъ 13 октября (т. I, л. 149), „лихоиманія, аки кумирослуженія бѣгайте“ внушается въ другомъ поученіи (ibid., л. 429). Проложныя поученія на эту тему вообще не щадятъ красокъ, показывая всю гибельность чрезмѣрной привязанности къ богатству и не сытости въ немъ, и въ тоже время стараются укрѣпить въ сознаніи мысль о необходимости, „довольствоваться малымъ“ („имущіе пища и одѣянія, симъ довольни будемъ“—13 окт., т. I, л. 125 об.), излишкомъ же отъ богатства дѣлиться съ неимущими, и нуждающимися, а не то чтобы угнетать этихъ послѣднихъ, безпощадно обирать и грабить ихъ, пользуясь положеніемъ сильнаго, при помощи своихъ богатствъ. [2])

---

[1]) См. церковныя поученія противъ него въ указ. брош. Щапова, стр. 14—16,—въ «Прав. Собес». ч. I. стр. 187.

[2]) Окт. 14, т. I л. 152 об., въ словѣ св. Антіоха о лихоиманіи: «лихоимецъ сытости не имать, сице имать и многа имѣнія, егда многа стяжетъ, паки большему восхощетъ. И егда усвоитъ то паки боль-

Далѣе, величайшей милостыней выставляется въ прологѣ—„о еже не обидити сирыхъ и вдовыхъ“, но „пещись о нихъ“ и, по мѣрѣ средствъ и возможности, оказывать имъ матеріальную и нравственную помощь, а также—защита и попеченіе о всѣхъ вообще обидимыхъ, особенно же—правда и нелицепріятіе въ судѣ. Имѣя въ виду, то ужасное положеніе, въ какомъ находились судъ и правосудіе въ древней Руси, при господствѣ права сильнаго и властнаго, при безграничномъ произволѣ властей, при неизбѣжности всякаго рода посуловъ и прятѣсненій, мы легко поймемъ, какое громадное общественно-воспитательное значеніе долженъ былъ имѣть голосъ церкви въ вопросахъ этого рода, и какой жгучей правдой и вмѣстѣ любовной сердечностію и пророческимъ величіемъ проникнуты нижеслѣдующія напр. строки изъ „Слова святыхъ отецъ“ о вдовыхъ и сирыхъ, а такъ же и о всѣхъ обидимыхъ властями, помѣщеннаго въ Прологѣ подъ 6 апрѣля... „Царь ли еси ты, или князь, или воевода и судія, то помысли отъ кого еси власть пріялъ. Или кто далъ вамъ есть власть и санъ, умъ и мудрость, да накажете люди. Сице убо глаголетъ Господь:

шему| желаетъ, и николи же престанетъ отъ суетнаго сего похотѣнія. Таковый житію конца не чаетъ, и невѣсть, что пришлецъ есть въ семъ житіи. И добрѣ глаголютъ о таковыхъ книги: якоже адъ и погибель не насыщается, такоже и очи человѣчи не сытѣ»... Далѣе приводятся мѣста изъ св. Писанія, поясняющія всю гибельность несытости въ богатствѣ.—Подъ тѣмъ же числомъ и того же Антіоха—«о дающихъ въ лихву, рекше въ рѣзъ имѣнія»: даже и малый, а потому въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы дозволенный прибытокъ лихвою есть уже «начало злобы и обиды великой». И потому-то, «емлющіе рѣзы нечисти и жестоци имянуются, мерзцы же предъ Богомъ и предъ человѣки, и отнюдь христіаномъ отречено есть промышленіе рѣзное». Снова, въ доказательство этого, приводится цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣстъ св. Писанія (л. 186 об. 187).—Подъ 12 дек.: «Чудо св. Спиридона»—наказаніе богатаго житопродавца, дѣлавшаго изъ народного бѣдствія средство къ насыщенію несытости въ богатствѣ, при чемъ въ заключеніе разсказа говорится: «проклятъ всякъ цѣняй жито дорого» (л. 389 об.). 9 февр.—«Наказаніе св. Іоанна Златоустаго»: «яко два разбоя еста: единъ иже совлачитъ съ убогаго, а другой иже не одежетъ убогаго, а имѣетъ имѣніе, той есть истинный разбойникъ» (л. 485 об.),—ср также 28 окт. о христолюбимомъ купцѣ, щедро раздававшемъ милостыню (л. 207 об. и слѣд.),—8 ноябр. о Иванѣ огородникѣ (л. 248 об.) и др.

слышите князи и судіи человѣчестіи, не оправдите виноватаго мзды ради, и не устыдитеся сильнаго лица, избавите обидимаго, да сами убо будете избавлены въ день страшнаго дне. Всякія же вдовы и сироты не озлобите, да не разгнѣвается Господь яростію на вы... А о имѣніи вдовичнѣ и сиротнѣ помышляй, и хотяй е взяти, месть отъ Бога пріиметъ. Силенъ бо есть Господь, мщаетъ я рекій: Азъ есмь отецъ сиротамъ, и отмститель вдовицамъ, и изъ руки сильныхъ избавлю я. Горе обидящему вдовицу: лучше бы ему огнь въ домъ свой ввергшу, и запалившу избѣгнути, нежели за сихъ воздыханіе ввержену быти въ геену огненную. Тѣмъ же безъ испытанія не пріемлите клеветы на сироты и вдовицы... Буди сирымъ яко отецъ, и въ мужа мѣсто вдовицамъ попецыся, и моленіе обидимаго скоро послушай... Поставилъ ли тя царь въ великій санъ, и къ тебѣ идутъ маліи и велицыи, славніи и не славніи, и дары и чести приносящи ти, то благо есть, и отъ Бога ти даровано. Но блюдися со грѣхомъ взяти я. Се бо неправда есть, егда кто мзду дастъ, хотя соперника препрѣти. И будеши неправедно осуждая человѣка во образъ Божій сотвореннаго, его же ради Христосъ кровь свою пролія. Проклятъ, рече, всякъ судяй неправедно... О властители неправдивіи, и мздоимцы, яже собрасте отъ вдовъ и сиротъ, то въ негасимомъ огнѣ подгнета (подтопка) будетъ душамъ вашимъ. Того ради попецытеся душами вашими, и милостивы будите къ маломощнымъ, да Богъ милостивъ будетъ вамъ“... [1]) (Т. II, л. 154 об.—155). Въ другомъ поученіи, исходя изъ той мысли, что власть дается отъ Бога, Прологъ внушаетъ предержащимъ властямъ, что поступая по правдѣ, они являютъ въ себѣ „ангельскій и священническій чинъ“, и напротивъ, „насилуяй неправеднѣ“—дѣлаются слугами сатаны (т. II, 364 об.)...

Въ поученіяхъ Пролога спеціально о „нищелюбіи“—о подаяніи милостыни, вообще о помощи бѣднымъ и неимущимъ, ставится

---

[1]) Ср. 26 нояб., т. I, л. 325; дек. 11 л. 385 об.; дек. 17, стр. 411; февр. 3 и 17, л. 575 и 621; мая 19, 27 и 29, т. II, л. 319; 355; 364.

также и тотъ жгучій принципіальный вопросъ соціальнаго характера, который во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣлъ громадное значеніе въ общественной и государственной жизни — вопросъ о богатствѣ и бѣдности, о правѣ владѣнія имуществомъ и объ обязанностяхъ связанныхъ съ этимъ правомъ, въ отношеніяхъ къ неимущимъ и нуждающимся. Богатство и бѣдность отъ Бога, и въ этомъ отношеніи богатые и бѣдные равны между собою, какъ равны и въ томъ, что для тѣхъ и другихъ одинаково обязательны основныя требованія закона о любви христіанской. Поэтому, владѣніе имуществомъ, какъ и вообще богатство или даже увеличеніе его дозволенными средствами, не подлежитъ и не можетъ подлежать никакому осужденію или нареканію: оно отъ Бога, и потому законно, съ точки зрѣнія нравственно-христіанской. Но оно является преступнымъ и влечетъ за собою осужденіе и гнѣвъ Божій, когда злоупотребляютъ имъ, пренебрегая или нарушая требованія закона о любви къ ближнему, когда именно владѣютъ имъ только „для себя и въ себя богатѣя“, и когда за этимъ и изъ этого неизбѣжно слѣдуютъ немилосердіе и жестокосердіе. Такіе богатые, не милостивые, сами добровольно отгоняютъ отъ себя милость Божію, лишаютъ себя тѣхъ великихъ средствъ, которыя даны и указаны имъ Богомъ для ихъ личнаго спасенія и общественнаго благоустроенія. Такъ, въ одномъ проложномъ поученіи приводятся слова Господа, съ которыми, по Евангелію, онъ обратится на страшномъ судѣ къ стоящимъ одесную Его: „пріидите благословенніи отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство... Понеже алкахъ, и дасти ми ясти, возжадахъ и напоисте мя“ и пр., и словамъ этимъ дается слѣдующее толкованіе: „Чего ради, Господи, ничто же инѣхъ приносиши въ память, точію милостыню? Не сужду, рече, согрѣшившихъ, но покаявшихся. Не осуждаю богатыя, но не милостивыя, и безчеловѣчество ихъ препираю, яко имуще такову помощь спасенія: милостыню глаголю, ею же всякъ грѣхъ потребляется, и толико благодѣяніе презрѣете. Ибо не сего дѣля имѣніе пріялъ еси, да въ пищи и въ пьянствѣ погубиши э предъ собою (для себя), но послиши э во онъ міръ руками нищихъ, въ милостыню э истрошивъ („истрошити“—раздробить, раздѣлить). Еда

бо свое имаши, но убогихъ дѣля тебѣ дано есть: Богъ отъ своихъ повелѣваетъ ти дати... Еда не можаше Богъ отъяти его отъ тебе, но не творитъ того, да тя сотворитъ къ нищимъ любочестна и тѣми царствія наслѣдника“ (27 янв., т. I, л. 550). „Для того, говорится въ другомъ поученіи, Богъ богата и убога сотвори, да препитанъ будетъ убогій отъ богатаго и спасется богатый милостыни ради“ (20 іюн., т. II, л. 443 об.). „Держи богатство, которое далъ тебѣ Богъ, но не скрывай его для одного себя... Не говори, что это мое имѣніе, но что порученное лишь мнѣ на мало дній, и какъ ключарь раздавай порученное, како велитъ поручившій тебѣ“... [1]).

Такой взглядъ установляетъ Прологъ на богатство и на владѣніе имуществомъ въ отношеніи къ „нищелюбію“—взглядъ, безъ сомнѣнія, единственно правильный и разумный, какъ и во всемъ согласный съ ученіемъ Слова Божія...

Прологъ научаетъ далѣе, что „нищелюбіе“ какъ образъ спасительнаго житія и вмѣстѣ какъ основа всякой доброй нравственно-христіанской общественности, является и можетъ быть таковымъ только подъ условіемъ, когда оно запечатлѣно чертами „истиннаго“ нищелюбія, явленнаго въ жизни Божественнаго Нищелюбца—Христа и раскрытаго въ его ученіи и въ ученіи церкви. Эта мысль проходитъ чрезъ всѣ проложныя поученія о милостынѣ. Внимательно и съ силою глубокаго убѣжденія и назидательности указываются и описываются въ нихъ необходимыя свойства христіанскаго нищелюбія. Истиннымъ милостивцемъ, внушается въ нихъ, можетъ быть только тотъ, кто „себя милуетъ“, т. е. „кто богоугодно живетъ и всякую добродѣтель кто исправляетъ“. Милостыня должна быть „чистая“ и „правая“—отъ своего имѣнія, отъ своихъ трудовъ,—„необидимая“—не отъ лихвы, грабежа или какой иной обиды — притѣсненія ближняго удѣляемая, а „отъ

[1]) 26 нояб., т. I, л. 325: «Слово о наказаніи ко владѣющимъ» (въ рукоп.—«наказаніе ко властемъ»),—это же самое слово, но въ сокращеніи и съ надписаніемъ имени св. Ефрема—«къ богатымъ о милостыни» помѣщается и подъ 8 февр. л. 592 об. Ср. также—27 янв. л. 550; апр. 30, т. II, л. 231 об., іюня 20, л. 443 об., іюня 29, л. 478.

своихъ си“ [1]): такая только милостыня угодна Богу и спасительна. Истинный милостивецъ не долженъ разбирать тѣхъ, кому онъ благотворитъ — подаетъ милостыню, различать богатыхъ отъ убогихъ, достойныхъ отъ недостойныхъ, своихъ и чужихъ, вѣрныхъ отъ невѣрныхъ: предъ нимъ всѣ равны, въ каждомъ онъ видитъ только своего ближняго, а потому не его дѣло разслѣдовать и разбирать, онъ только за себя отвѣчаетъ и подаетъ „не испытуя“ [2]). Выставляться съ милостыней, превозноситься, или, что тоже — похваляться милосердіемъ уже потому преступно и въ высшей степени предосудительно, что всякое истинно доброе дѣло, совершаемое отъ любви и во имя любви христіанской, не отдѣлимо отъ смиренія, составляющаго украшеніе человѣка-христіанина: превозношеніе и похвальба съ нимъ не совмѣстимы. Милостыню нужно творить по возможности не въ-явѣ, не выставляясь съ нею на показъ [3]), и подавать отъ всей души, притомъ, возможно больше, чѣмъ сколько просятъ, не требуя и не ожидая никакого возмездія, кромѣ обѣщаннаго Богомъ, истиннымъ мздовоздаятелемъ [4]). Подавать просящему милостыню не обязательно всетаки непремѣнно много; для милостыни достаточно и „немного лишь хлѣба“, но поданнаго отъ всего сердца и съ „словомъ утѣшенія“ [5]). Истин-

---

[1]) Нояб. 11, 12, 15, т. I, л. 262; 265; 276,—апр. 29, т. II, л. 229, іюн. 3, л. 383.

[2]) 25 дек., т. I, стр. 437; янв. 29, л. 557 об.; 31 мая, т. II, л. 373 об.. «похвала дающимъ милостыню нищимъ»; 20 іюн., л. 444; іюля 2, л. 483.

[3]) Ср. 12 окт. разсказъ о св. Андреѣ юродивомъ, разбрасывавшемъ сребренники и быстро удалявшемся, «да не явѣ будетъ сотворена имъ милостыня» (т. I, л. 124).

[4]) 9 апр., т. II, л. 163; іюн. 20, л. 443 об.

[5]) Ср. краткій, но высоко-трогательный призывъ къ милости и милостынѣ въ поученіи (русскомъ) «о причастіи и милостыни», 26 декабря: ...«помяни рекшаго Христа: ничто же рече прошу велика, но точію хлѣба и словесе оутѣшна. Не глаголю ти: разрѣши мою нищету, или дай ми богатство, но хлѣба прошу мало, утѣшенія ради отъ глада. Аще ве оузницу впаду, не нужду тя оузъ разрѣшити, и извести вонъ: но прошу, да посѣтиши мя тамо, и видиши мя посреди связанныхъ. Могу убо сихъ ради посѣщенія, и мзду ти подати, и въ вѣцѣ ономъ вѣнчати. Хощу убо долженъ ти быти, и дати нѣкій плодъ къ вѣнцу. Того ради возмози себѣ напитати, обхожю бо у всѣхъ прося, и у дверей

ные нищелюбцы, однако же, забываютъ о самихъ себѣ, сами терпятъ лишенія, памятуя лишь о нуждающихся и неимущихъ: „хлѣбъ подобаетъ ми, говорятъ они, — худшій имѣти, да помышляю отнюдь неимущихъ“ (3 февр., т. I, л. 574), потому что, въ концѣ всего—нѣтъ для нихъ большей и совершеннѣйшей любви какъ „злострадать со други своими“ и „душу свою положить за брата своего“ (маія 1, т. II, л. 235)...

Представленныя черты изъ содержанія Пролога показываютъ, чему наша церковь научала уставными, положенными на каждый день, проложными чтеніями. Очевидно, въ главномъ и существенномъ, она научала вѣрующихъ какъ личному, такъ и семейному и общественному благоустройству, полагая въ основу всего христіанское ученіе о любви къ ближнему, въ ея многоразличныхъ жизненныхъ выраженіяхъ и проявленіяхъ. Въ самомъ способѣ изложенія и передачи даннаго ученія она поступала въ высшей степени соотвѣтственно своимъ высокимъ цѣлямъ. Она предлагала свое ученіе въ храмѣ, въ формѣ церковныхъ чтеній и прямо отъ лица священнѣйшихъ первостоятелей церковнаго учительства—пророковъ, апостоловъ, великихъ вселенскихъ отцовъ и учителей церкви, именами которыхъ въ надписаніи украшаются проложныя чтенія, предлагала не въ видѣ сухихъ, холодныхъ, искусственно-витіеватыхъ и пространныхъ рѣчей или богословскихъ разсужденій, а въ краткой, простой бесѣдѣ, проникнутой убѣжденностію и глубокоискренней сердечностію и святостію, въ бесѣдѣ по языку и по всему вообще внѣшнему построенію въ совершенствѣ подходившей къ обще-установленнымъ церковно-богослужебнымъ чтеніямъ и пѣснопѣніямъ, а потому какъ бы восполнявшей эти послѣднія и сли-

---

предстою. Простираю руку, и тобою накормленъ быти желаю. Украшаюся тѣмъ, яко да предъ вселенною всею похвалю тя, внегда всѣмъ слышащимъ, и покажу тя питателя моего... Азъ вы люблю зело, того ради наказую, яко да милостиви будете, и инымъ глаголемая мною изглаголете»... Т. I, л. 442.

вавшейся съ нимъ въ одно нераздѣльное гармоническое цѣлое...

Нерѣдко высказываются упреки древне-русской церкви въ томъ, что въ ней будто бы проповѣдь постоянно ставилась на второмъ планѣ, и что съ нѣкотораго времени (съ XV в.), покрайнѣй мѣрѣ, устная живая проповѣдь въ ней и совсѣмъ прекратилась. Но развѣ не проповѣдь—эти ежедневныя церковныя чтенія Пролога и можно ли было желать для того времени какой-либо наилучшей, болѣе цѣлесообразной и авторитетной проповѣди, какъ именно эти святоотеческія церковно-учительныя чтенія? Не только для того времени, но и вообще постановка церковнаго учительства, указанная этими чтеніями, едва ли не можетъ считаться какъ наилучшая, особенно для простаго народа. Къ тому же, Прологъ не былъ единственной книгой церковно-учительныхъ чтеній; кромѣ него, читались въ церквахъ и другіе церковно-учительныя сборники, напр. Торжественники, Измарагдъ, Златоустъ и др. Но и въ этихъ сборникахъ содержаніе и постановка церковнаго учительства совершенно такая же, какъ и въ Прологѣ. Пастыри и учители нашей церкви, хорошо понимали важность и необходимость такой постановки, и въ своихъ самостоятельныхъ проповѣднических и учительныхъ произведеніяхъ старались поучать и назидать въ духѣ и тонѣ указанныхъ чтеній, почему многія изъ ихъ произведеній, внесенныя и въ названныя церковно-учительныя Сборники, при сравненіи оказываются совершенно сходными съ переводными святоотеческими, какъ по внутреннимъ свойствамъ, такъ и по внѣшнимъ пріемамъ изложенія и построенія рѣчи...

Что касается вопроса о „нищелюбіи“, которымъ предпочтительно занимаются проложныя чтенія, то и въ древне-русской самостоятельной учительно-проповѣднической литературѣ это былъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, которымъ она болѣе всего занималась. „Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ.., подъ братомъ ямы не рый, да тебя Богъ въ горшая не въръжетъ. Буди правдивъ и *бративъ*... Претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не въздати (не воздавайте) зла за зло... Не мози свадити (заводить ссоры и раздоры)... Не осуди брата ни рѣчью, ни

мыслью... Помилуйте убогія, гладныя, темничныя, сиротамъ милостиви будите“ [1])... „Прави буди (въ отношеніяхъ къ ближнему), щедръ, нищъкорникъ, страннопріемникъ“ [2])., ибо милость и милостыня превыше всего: „велія суть дѣла милостыни,—ни едина (т. е. ничто другое) бо можеть тако запладити (изгладить, искупить) грѣси яко же милостыни; того ради глаголеть божіи книги: милуя нищаа Богу взаимь даеть“ [3])... „Нѣтъ пользы, если будемъ поститься,—научаетъ одинъ древнерусскій проповѣдникъ въ своемъ поученіи, — и отъ жестокаго сердца не воздержимся. Кто не ѣстъ мяса, воздерживается отъ питія, а убогихъ не милуетъ, тотъ хуже скота. Кто на голой землѣ лягаетъ всю ночь, не спя молится, а убогихъ не милуетъ, и тотъ не лучше скота. Аще кто дастъ село монастырю, то на пагубу души своея, аще ли на раздѣлъ убогимъ, на спасеніе души. Милостыня выше приноса въ церковь. Не утворяй церкви, видя скорбящаго брата: живой храмъ выше, истовѣе церкви. У церкви можно украсть твой даръ, а у алчнаго и ночью самъ дьяволъ дара твоего украсть не можетъ“ [4])...

Такъ постоянно и неустанно научали въ поученіяхъ и посланіяхъ и пастыри русской церкви, со дней, когда епископъ Лука Жидята (X—XI в.) назидалъ свою паству церковно-учительнымъ словомъ, до руководственно-назидательныхъ наставленій знаменитаго кодекса древне-русской семейной и общественной морали— „Домостроя“ Сильвестра (XVI—XVII в.). Въ послѣднемъ, во главѣ 9-й, подъ рубрикой: „како посѣщати въ монастырѣхъ, и въ больницѣхъ, и въ темницахъ и всякого скорбнаго“, предписывается дѣлать слѣдующее: „въ монастыри, въ больницы и въ тем-

---

[1]) Изъ Поученія Луки Жидяты (нач. XI в.),—Макарій, Ист. рус. цер., т. I, стр. 278.

[2]) Изъ Сборника Поученій XII в., у Срезневскаго, Извѣст. и Зам. и проч., № LII, стр. 206.

[3]) Изъ Торжественника XII в., у Срезневскаго, Ibid., №№ LXXVIII, стр. 548.

[4]) См. у проф. Веселовскаго, указ. соч., стр. 132, со ссылкою на рефератъ проф. Тихонравова («Моск. Вѣд.» 1875 г. № 44: Засѣданіе отдѣла Этнографіи, 9 февраля).

ницы заключенныхъ посѣщай и милостыню по силѣ всякихъ потребныхъ подай, елико требуютъ; и видѣвъ бѣду ихъ, и скорбь, и всякую нужду, и елико возможно помогай имъ; и всякаго скорбна, и нища, и нужна (нуждающагося) не презри; и введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй и одежи (одѣнь) со всѣю любовію и *чистою совѣстію*,—тѣми молитвами (молитвами тѣхъ—облагодѣтельствованныхъ) Бога сотвориши милостива и свободу грѣхамъ получиши“ [1])... Домострой можетъ считаться показателемъ идеальныхъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній древне-русскаго общества, покрайней мѣрѣ въ его высшихъ, вліятельныхъ и интеллигентныхъ слояхъ, и для „Домостроя“ нельзя не отмѣтить въ данномъ случаѣ характерной черты, что нѣкоторыя главы въ немъ представляютъ почти дословно буквальное заимствованіе пролож-ныхъ чтеній, какъ напр. гл. 19 и 20 (Прол. 27 іюл. и 9 августа) [2]). Насколько именно лучшія и неоспоримо идеальныя

---

[1]) «Домострой», изд. Яковлева. Одесса, 1887 г., стр. 22—23.

[2]) Въ «Поученіи Владиміра Мономаха», которое въ извѣстномъ смыслѣ можетъ считаться прототипомъ позднѣйшихъ древне-русскихъ «домостроевъ», встрѣчаются уже мѣста, которыя, повидимому, взяты прямо изъ Пролога, хотя конечно и въ самомъ Прологѣ они были лишь заимствованіемъ изъ святоотеческихъ учительныхъ твореній, тогда уже существовавшихъ въ славянскихъ переводахъ. Такъ напр. любопытно сличить слѣдующее мѣсто изъ словъ св. Іоанна Златоустаго о о молитвѣ, помѣщенныхъ въ Прологѣ подъ 12 и 18 апрѣля, и о молитвѣ въ «Поуч. Влад. Мономаха»...

Прологъ, изд. 1677 г., т. II, л. 173 и 193:

«А егда ложася спати, то не погрѣши ни единыя нощи, еже не кланятися: но елико убо могій, по силѣ поклоненіе сотвори: тѣмъ бо поклоненіемъ побѣждаетъ человѣкъ діаволю силу, и тѣмъ избываетъ грѣховъ, иже погрѣшилъ того дне...

«Тѣмъ же и мы, братіе, не ищемъ мѣста молитвеннаго, ни извитіемъ глаголати долгихъ словесъ. Но якоже Хананея глаголаше: помилуй мя, яко дщи моя злѣ бѣсуется, тако и ты глаголи: Господи помилуй мя. Аще и мало сіе

Поуч. Влад. Мономаха (Полн. Собран. Лѣтописей, т. I, стр. 100—106).

(...«И въ церкви дѣйте (покаяніе во грѣхахъ), и ложася). Не грѣшите ни едину же ночь, аще можете, поклонитися до земли, али вы ся начнеть не мочи, а трижды, а того незабывайте, не лѣнитися: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить; а тѣмъ человѣкъ избываеть...

«Аще и на кони ѣздяча, не будеть ни съ кымь орудья (дѣла), аще иныхъ молитвъ не умѣете

религіозно-нравственныя воззрѣнія „Домостроя“, сложившіяся подъ вліяніемъ церковныхъ чтеній и поученій [1]), проводились въ жизни и отвѣчали русской живой дѣйствительности тѣхъ временъ — вопросъ иной; но тѣмъ не менѣе, прямыя и многочисленныя историческія данныя—примѣръ многихъ князей, бояръ и пр., свидѣтельствуютъ, что ученіе церкви о нищелюбіи, съ такою настойчивостію внушаемое въ проложныхъ чтеніяхъ—дѣлало свое дѣло, воспитывало и перевоспитывало въ духѣ христіанской любви и милосердія самыя грубыя, дикія и необузданныя натуры. Еще болѣе неопровержимымъ и вмѣстѣ очевиднымъ свидѣтельствомъ ихъ силы и дѣйственности не только въ верхнихъ слояхъ древнерусскаго общества, но и во всемъ русскомъ народѣ, и притомъ до послѣдняго времени, могутъ служить пѣсни или народныя духовныя стихи русскихъ каликъ-перехожихъ. Чтобы видѣть, какъ воспринималось и усвоялось въ нашемъ народѣ изложенное ученіе Пролога о нищелюбіи необходимо именно остановиться на нихъ. Съ этой цѣлію я избираю небольшую группу такихъ каличьихъ

слово, но пучина человѣколюбія Божія»...

молвити, а Господи помилуй зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши (лучше)»...

Въ «Поученіи Влад. Мономаха» настоятельно внушается уже, что спастись можно только «тремя дѣлы»: «покаяніемъ, слезами (сокрушеніе о грѣхахъ) и *милостыней.*»...

[1]) Новѣйшіе изслѣдователи и издатели «Домостроя», повидимому, не придаютъ особеннаго значенія Прологу въ отношеніи къ этому произведенію. Такъ, г. Некрасовъ, въ своемъ изслѣдованіи, мимоходомъ лишь упоминаетъ о Прологѣ, какъ объ одномъ изъ источниковъ Домостроя (Опытъ истор. изслѣдованія о происхожденіи древне-рук. Домостроя, М. 1873, стр. 127), а новѣйшій издатель его, г. Яковлевъ, пользуясь дурнымъ спискомъ или худо разбирая его текстъ, печатаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже очевидную нелѣпость, не подозрѣвая даже, что въ такихъ случаяхъ ему могъ бы пособить совершенно ясный и правильный текстъ *печатнаго* Пролога. Напр., въ гл. 20 Домостроя, у г. Яковлева читаемъ: «Аще ли дщерь имаши,—положи *на нь сразу своею и ублюдеши ея отъ тѣлесныхъ*, да не посрамитъ лица твоего» (стр. 43)—очевидно, неправильное и безсмысленное чтеніе, которое издатель и могъ бы исправить по печатному Прологу, гдѣ это мѣсто читается такъ: «Дщерь ли имаши исложи *на ню грозу твою и ублюдеши ю въ тѣлесныхъ*, да не посрамиши лица твоего» (27 іюля, т. II, л. 582 об.).

духовныхъ стиховъ, которые могутъ считаться наиболѣе важными и характерными, какъ по отношенію къ самимъ народнымъ пѣвцамъ, каликамъ-перехожимъ, такъ и по вопросу о нищелюбіи, въ томъ значеніи, въ какомъ оно представлено нами по Прологу. Это— стихи на Евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ...

Народные духовные стихи, по словамъ одного ученаго, есть нѣчто въ родѣ „народно-поэтическаго катихизиса“, или простой „назидательно-повѣствовательной рѣчи, бичующей зло и превозносящей добродѣтель, рѣчи всѣми внятно слышимой и вразумительной и потому всѣмъ когда-то извѣстной и всѣми въ народѣ одинаково любимой“ [1]). Это именно по преимуществу нужно сказать о русскихъ каличьихъ духовныхъ стихахъ, излагающихъ и поучающихъ тому, чему научала церковь, что выносилось и усвоялось народомъ изъ церковныхъ чтеній и пѣснопѣній, а также изъ знакомства съ церковно-учительной литературой, излагающихъ усвоенное и переработанное народной мыслью въ формѣ настоящихъ народно-эпическихъ произведеній...

Слагатели такихъ произведеній, пѣвцы калики-перехожіе, вѣроятно, въ прежнее, до-Петровское время ближайшимъ образомъ выходили изъ среды старыхъ опытныхъ народныхъ пѣвцовъ-рапсодовъ, хранившихъ и продолжавшихъ былевую и обще-эпическую народную пѣсенную старину и въ совершенствѣ знакомыхъ съ характеромъ и пріемами народнаго пѣсеннаго творчества, почему и ихъ духовные стихи (покрайней мѣрѣ—лучшіе) отличаются такимъ богатствомъ чисто народныхъ творческихъ элементовъ. Занявъ особое положеніе въ церкви, обласканные и принятые подъ ея любвеобильный покровъ,—такіе пѣвцы, въ большинствѣ случаевъ, люди бѣдные или убогіе, сдѣлались въ христіанское время носителями и выразителями въ народѣ того возвышеннѣйшаго ученія о любви къ ближнему, которому, какъ мы видѣли, ежедневно научала цер-

---

[1]) Leon Gautier, Les Epopées Françaises, т. I (2 изд., 1878 г.), стр. 81—82,—ср. наше изслѣдованіе о «Собесѣдованіяхъ Григорія Вел.», Спб. 1886, стр. 141—142.

ковь и во имя котораго она призывала къ себѣ всѣхъ „страждущихъ и обремененныхъ“. Пѣвцы-калики или калѣки [1]) это и есть та „меньшая братія“, о которой заботилась церковь, проповѣдуя словомъ и дѣломъ ученіе о „нищелюбіи“. Совершенно естественно, поэтому, что именно ученіе о „нищелюбіи“ съ особенной сердечностью было усвоено ими и отлилось въ ихъ народномъ творчествѣ съ поразительной рельефностію и полнотою. И вотъ, это ученіе не только проповѣдуется ими, но и положительно возводится въ блестящій поэтическій апоѳеозъ и рѣшительно проходитъ по всѣмъ ихъ духовнымъ стихамъ. Послушайте, напр., что они поютъ — разсказываютъ о себѣ въ своихъ каличьихъ стихахъ... Христосъ, по Евангелію, — такъ передаютъ они ученіе церкви о нищелюбіи, — и приходилъ на землю для „меньшой братіи“, жилъ съ нею, и для нея, проповѣдывалъ и научалъ любви къ ней. Но Онъ возносится на небо, покидаетъ землю, оставляетъ тѣхъ, среди которыхъ Онъ жилъ и училъ, которые всѣхъ ближе были къ Нему,—на кого же Онъ оставляетъ—покидаетъ ихъ, кому поручаетъ заботу объ нихъ — оставляетъ міру?.. Но „міръ и Его не призналъ“, „къ своимъ Онъ приходилъ—свои Его не приняли“,— приметъ ли ихъ-то міръ? О, „міръ во-злѣ“ — „жестокъ и безпощаденъ къ тѣмъ, которые слабы и немощны“... Калики поютъ...

„Послѣ свѣтлаго Христова Воскресенья,
На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенья:
Возносился Христосъ Богъ на небеса,
Со Ангелами и со Архангелами,
Съ Херувимами и Серафимами.
Расплачется нищал (меньшая) братья,

[1]) Въ объясненіи названія «калики» или «калѣки-перехожіи» существуетъ еще разногласіе. Покойный Срезневскій затруднялся рѣшить родное ли наше слово—«калѣка—калика», или—позаимствованное (Зап. Акад. Наук., т. I, стр. 206—207). Другіе ученые, напр. Орестъ Миллеръ, Порфирьевъ, Кирпичниковъ, производятъ это названіе отъ латинскаго caliga—западное названіе страннической обуви пилигриммовъ—богомольцевъ (О. Миллеръ, Опытъ и пр. стр. 313; Порф., Исторія рус. литер., 2-е изд. стр. 290; Кирпичн., въ истор. рус. литер. Галахова, стр. 197).

Расплакались бѣдные—убогіе, слѣпые и хромые (въ др. варіант.—еще—„маленьки, безродны“):

Ужь Ты истинный Христосъ, Царь небесный!
Возносишся ты, Царь, на небесы...
На кого-то ты, Царь, насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Ино кто насъ поить-кормить будетъ?
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи укрывати...
Речетъ имъ Христосъ Царь небесный:
Не плачьте вы, нищая братья,
Дамъ я вамъ гору золотую
Дамъ я вамъ рѣку медвяную“ и пр.

Всѣ блага міра желалъ бы дать имъ Божественный Нищелюбецъ Христосъ, но царство Его не отъ міра сего, богатства землѣ принадлежатъ, и въ богатствахъ на землѣ—раздоры и обиды слабаго и немощнаго сильнымъ и властнымъ, — въ богатствѣ нѣтъ спасенія... И вотъ, любовь Божественная, устами апостола любви Іоанна Богослова, внушаетъ ему не давать нищей братіи „горы золотой“, потому что „горы золотой промежду собой ей не раздѣлить“, а узнаютъ объ ней люди сильные—„князья и бояра, купцы и немилостивыя власти“—„наѣдутъ къ нимъ и отъимутъ“, потомъ „между собою раздѣлятъ“ и при дѣлежѣ „много будетъ тутъ кровопролитья — уголовствія“... Вмѣсто горъ золотыхъ и медвяныхъ рѣкъ, любовь Божественная внушаетъ Ему оставить нищей братіи имя Свое святое—спасительное, и —

„Пойдутъ нищіе по земли ходити
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ прославляти,
Твое Имя святое возносити
А православные будутъ
Милостыни подавати;
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ,—

Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ
Даруй въ раю тому мѣсто;
Кто имъ путь-дорогу укажетъ,
Не заперты въ рай тому двери,
Будутъ они сыты, да и довольны..." (Безсоновъ, Кал. перех., т. I, стр. 3—7).

Въ такихъ чертахъ воспроизводится ученіе о „нищелюбіи" въ каличьихъ духовныхъ стихахъ... Въ частности, стихи о богатомъ и Лазарѣ, на которые указано выше, имѣютъ въ данномъ случаѣ предпочтительное значеніе, такъ какъ это — излюбленные и во всѣхъ отношеніяхъ лучшіе стихи у нашихъ пѣвцовъ каликъ-перехожихъ, которые и самихъ себя называютъ „лазарями", находя въ образѣ евангельскаго нищаго Лазаря свой идеальный прототипъ. Потому я и останавливаюсь на этихъ именно стихамъ...

Духовныя народныя стихи всегда предполагаютъ существованіе опредѣленнаго книжнаго источника и бо̀льшую или меньшую отъ него зависимость. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ избранной нами группѣ стиховъ, является вопросъ: существовалъ ли такой книжный источникъ, какъ посредствующій между евангельскимъ текстомъ и духовнымъ стихомъ или же духовный стихъ могъ возникнуть и сложиться во всѣхъ извѣстныхъ его варіантахъ и безъ такого посредства, слѣдовательно, до извѣстной степени вполнѣ независимо и самостоятельно?.. Евангельская притча о богатомъ и Лазарѣ, въ древне-христіанской церкви, какъ и въ средніе вѣка, въ Византіи, какъ и на Западѣ, имѣла обширнѣйшую литературу, излагавшую ее — эту притчу въ прямыхъ церковно-учительныхъ цѣляхъ, соотвѣтственно ея содержанію, и между прочимъ эта именно притча, во второй своей части—въ изображеніи загробной участи богатаго и бѣднаго — послужила зерномъ, изъ котораго столь пышно разлилась, особенно въ средніе вѣка, хри-

стіанская эсхатологія. Было много церковно-учительныхъ изложеній ея и въ древней церковно-славянской письменности—разныхъ бесѣдъ и поученій на нее и т. под. Но мы уже видѣли, при знакомствѣ съ Прологомъ, что вопросъ, поставленный этой притчей—вопросъ объ отношеніи богатаго и бѣднаго, сытаго и голоднаго, веселящагося и угнетеннаго нуждой и горемъ,—въ нашей церковно-учительной литературѣ былъ однимъ изъ тѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, которыми она больше всего занималась, къ которымъ постоянно и неустанно возвращалась. Въ виду этого исканіе и указаніе одного опредѣленнаго книжнаго источника, какъ посредствующаго между евангельской притчей и духовными стихами,—само собою уже представляется вопросомъ второстепеннымъ; имъ однимъ нельзя уяснить ихъ происхожденіе, напротивъ—стихи эти стоятъ въ связи съ цѣлымъ обширнымъ отдѣломъ книжной церковно-учительной литературы, нѣкоторые памятники которой, пожалуй, ближе и прямѣе связаны своимъ текстомъ съ текстами духовныхъ стиховъ, чѣмъ другіе, и въ этомъ только смыслѣ могутъ считаться посредствующими между ними и излагаемой въ нихъ евангельской притчей. Ближайшій книжный источникъ нашихъ духовныхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ можно находить въ витіеватомъ и обширномъ словѣ Златоуста, ему впрочемъ не принадлежащемъ, подъ заглавіемъ—„Іоанна Златоустаго о второмъ пришествіи Христовѣ и о милостыни и о богатомъ и о Лазарѣ“, древнѣйшіе списки котораго, по указаніямъ Срезневскаго, восходятъ къ XI—XII в. [1]). Но сличеніе нашихъ стиховъ съ этимъ словомъ и показываетъ именно, что въ данномъ случаѣ стихи не были только копированіемъ или переложеніемъ въ стихи книжныхъ чтеній, а возникли и развились самостоятельно на почвѣ указанной обширной церковно-учительной литературы, къ которой относится и названное „Слово“ Златоуста...

Обращаюсь къ анализу стиховъ...

Въ евангельской притчѣ богатый не называется по имени,—о немъ говорится просто: „человѣкъ нѣкій“... Въ названномъ

---

[1]) Свѣд. и Зам. о малоизв. и неизв. памятн., №№ XXII и LXXVIII.

словѣ Златоуста, по изданію Срезневскаго, и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ богатый также не названъ по имени, въ Прологѣ же (подъ 11 іюня) однородное съ этимъ слово приводится подъ заглавіемъ: „о богатѣмъ *безъименнѣмъ*, и о убозѣмъ Лазарѣ“, причемъ въ текстѣ слова Лазарь называется уже прямо „нищимъ“. Очень, можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ церковныхъ чтеніяхъ и въ истолкованіяхъ евангельской притчи и богатый назывался по имени, положимъ, въ такомъ контекстѣ: „Жили на свѣтѣ два Лазаря, одинъ богачъ, а другой нищій,—одинъ изъ нихъ“ и пр. Но даже, если и не предполагать прямаго посредства такого именно церковнаго чтенія или проповѣди между духовнымъ стихомъ и буквальнымъ чтеніемъ изъ Евангелія, то все-таки весьма легко и совсѣмъ таки ненамѣренно „неизвѣстное“ евангельскаго текста—„человѣкъ нѣкій“—обращалось въ извѣстное, въ живое лицо съ такимъ или инымъ именемъ... Еще возможно, что первый, сдѣлавшій народное переложеніе евангельской притчи, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ слышаннаго чтенія и, слѣдовательно, при непосредственной близости къ тексту вообще—оставилъ безъ названія и приточнаго богача. Такъ, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ варіантахъ и сохранилось такое именно начало стиховъ:

„Жилъ себѣ... богатъ и славенъ человѣкъ“...

Но разсказанное въ Евангеліи—вѣдь это быть можетъ историческій фактъ, не притча, а событіе, въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ названо даже по имени: такъ взглянулъ и долженъ былъ взглянуть народный пѣвецъ,—упоминаніе одного имени достаточно было для того, чтобы у него сложился такой взглядъ. И вотъ, создаетъ онъ былевую пѣсню, а въ былевыхъ пѣсняхъ нѣтъ лицъ безъ имени.—Начало въ передачѣ притчи, основныя черты событія, послѣдовательность въ изложеніи ихъ, самая форма разсказа давались евангельскимъ текстомъ, а также и проложными чтеніями, и въ стихахъ удержаны какъ канва, на которой разработаны всѣ детали цѣлаго, подъ вліяніемъ однако же основной мысли, представляющей столько же глубокое проникновеніе въ духъ евангельской притчи, сколько и вообще указывающей на высокую степень нравственнаго міросозерцанія. Стихи эти представля-

ютъ не просто переложеніе данныхъ евангельскаго разсказа на образы, взятые изъ дѣйствительнаго и близко знакомаго міра (богачъ—нищій,—обстановка при томъ и другомъ), но и раскрытіе и вмѣстѣ истолкованіе этихъ данныхъ въ духѣ вообще евангельскаго ученія о человѣкѣ. Такъ, въ Евангеліи совсѣмъ не сказано, что богачъ и нищій—братья (въ духовномъ смыслѣ): мысль эта скрывается лишь за приточной формой евангельскаго разсказа. Духовные стихи дѣлаютъ ее основною и въ ней обобщаютъ событіе, равно какъ ею же освѣщаютъ всѣ подробности разсказа... „Богатый и нищій—братья, всѣ мы братья во Христѣ", и—„слѣдовательно, должны любить ближняго, живя въ законѣ Христовомъ", или же—„быть въ осужденіи". Такова эта основная мысль, и нужно замѣтить, что мысль эта проходитъ по всѣмъ духовнымъ стихамъ, начиная съ извѣстныхъ стиховъ о созданіи человѣка въ „Голубиной книгѣ" и кончая стихами о страшномъ судѣ, — она такъ сказать неотдѣлима отъ того взгляда на нравственно-бытовыя отношенія между людьми, который внушался церковію и который крѣпко держится, какъ высшій идеалъ, въ нашемъ народѣ: всѣ люди—братья... Очень можетъ быть, что такая христіанская мысль потому и укрѣпилась въ народѣ (но это вопросъ большой и его касаться здѣсь я не могу), что находила въ немъ нѣкоторую подготовительную почву для себя въ той братски-родственной семейственности, которой отличались наши предки славяне еще въ дохристіанское время, и христіанство дало тутъ свое лишь высшее освященіе... Въ стихахъ на притчу о богатомъ и Лазарѣ мысль эта берется въ такой концепціи: „всѣ мы—дѣти одной матери, но не всѣмъ выпадаетъ одинаковое таланъ-счастіе: одному богачество несчетное, другому—сума, но неравенство положенія не можетъ преграждать пути къ спасенію, если мы будемъ жить по божески — по христіански". Исходя изъ такой мысли слагатели духовныхъ стиховъ освѣщаютъ ею всѣ подробности разсказа, почерпая послѣднія, подобно составителю народной картины на тотъ же сюжетъ (см. у Ровинскаго, Русск. народн. карт., № 686) изъ живой русской дѣйствительности (фантазія его иначе и не можетъ дѣйствовать: *лично* онъ не измышляетъ ни образовъ, ни красокъ для своихъ

картинъ: послѣднія даются ему народной средою) и слѣдуя въ порядкѣ изложенія ихъ евангельскому тексту...

По началу или точнѣе—по различію начальныхъ стиховъ—духовные стихи о Лазарѣ или о Лазаряхъ можно раздѣлить на двѣ группы: одни, такъ сказать, ближе къ евангельскому тексту, представляютъ какъ бы стихотворный перифразъ его: „Жилъ себѣ славенъ и богатъ человѣкъ“,—„человѣкъ нѣкій былъ богатъ“,—начало другихъ: „Жили два брата, два брата Лазаря, одинъ большой братъ, а другой меньшой“ и пр. Но въ той и другой группѣ стиховъ основная мысль та же (что это братья) и выступаетъ съ самаго же начала, а евангельскія слова и церковное книжное изложеніе ихъ служитъ какъ бы зерномъ, изъ котораго видимо, какъ бы предъ нашими глазами выростаетъ текстъ стиховъ, причемъ виденъ и самый процессъ его происхожденія. Такъ, въ книжномъ текстѣ:

„Былъ человѣкъ богатый... богатая одежда... веселье кругомъ“...

Въ стихахъ:	Въ другихъ, кромѣ того:
...„Богатъ и славенъ человѣкъ, Онъ роскочныя яства воскушалъ, Дорогіе надевы и богачевы надевалъ“...	„Пиры устроивалъ... По двору ходитъ, а за нимъ пышная свита“... и пр.

Въ указанномъ Словѣ Златоуста, при изложеніи евангельской притчи, довольно подробно разрисовывается обстановка и веселье богача: „Тъ богатыи на земли живяше и въ багрѣ хожааше. кони его бѣли (или — по другому списку, тучни) бѣша, златѣмъ украшени, сѣдла его позлащена. раби его предтекущи предъ нимъ мнози“ и пр. Въ обрисовкѣ богача и окружающей его обстановки фантазіи народныхъ пѣвцовъ, повидимому, открытъ былъ широкій просторъ, но народное творчество, находясь постоянно въ строгомъ подчиненіи мысли, вообще не любитъ лишнихъ словъ и многословія тамъ, гдѣ достаточно немногихъ, и потому если выставляетъ новыя черты противъ даннаго (напр. въ живой рѣчи или въ наблюденіи), то единственно съ тѣмъ, чтобы осмыслить это данное, уяснить мысль или же ярче ее выставить. Поэтому, приведенные стихи очевидно стоятъ въ зависимости отъ указаннаго

перифраза притчи въ „Словѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельное осмысленное изложеніе приводимыхъ въ немъ чертъ. Такъ и во второй группѣ стиховъ: подъ вліяніемъ основной мысли, прямо сдѣлавши богача и Лазаря братьями, стихи начинаютъ разсказъ о двухъ братьяхъ, изъ версіи въ версію осмысливая, уясняя и тѣмъ ярче выставляя ихъ отношенія:

„Жили были два брата Лазаря
Одинъ богатой, другой убогій...
Пришелъ убогій“ и пр. (Безс. № 19 и 22; Варен. 66).

„Жили да были два братца,
Два братца, два Лазаря.
Что одна ихъ матушка народила“ и пр. (Безс. № 21; Вар. 66).

„Жили мы были
Два брата родныхъ
Да два Лазаря,
Жимши бымши
Раздѣлилися“ и пр. (Безс. № 20).

Равнымъ образомъ, какъ обстановка, такъ драматизмъ положенія нищаго, въ гною, передъ воротами брата-богача—давались и самымъ содержаніемъ притчи, и книжными текстами, и стихи близки къ послѣднимъ, но въ то же время они не только уясняютъ, но и развиваютъ и, такъ сказать, углубляютъ мысль, лежащую въ основѣ цѣлаго. Богатство—такъ концепируютъ они—само по себѣ еще не ведетъ къ тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ представленъ евангельскій богачъ и нищій, но богатство не отдѣлимо отъ высокомѣрія и гордости, извращающихъ всѣ благородныя чувства въ душѣ человѣка: „Ходитъ спѣсь“ и пр. И вотъ эта-то „спѣсь“, о которой съ сокрушеніемъ говоритъ богачъ, находясь въ аду—„во тьмѣ сидючи: спѣсь моя, гордость моя минулася!“ (Безс. I, 60),—эта спѣсь и выставляется стихами какъ существеннѣйшій психологическій мотивъ, который человѣка превращаетъ въ дикаго звѣря, убивая въ немъ всякіе духовные порывы, кромѣ одного животнаго и безотчетнаго себялюбія. И стихи, дѣйствительно, дѣлаютъ богача, на этотъ разъ вполнѣ уже независимо отъ блѣд-

ныхъ чертъ, даваемыхъ книжными текстами,—дѣлаютъ его гордо превозносящимся не „богачествомъ“ только своимъ „несчетнымъ“, а самимъ собою, знатностію своего рода-племени и, такъ сказать, недосягаемостію своего положенія...

„Что жь ты за невѣжа такой человѣкъ:
Братомъ меня нарекаешь! говоритъ богатый Лазарю.
Да какъ ты смѣешь братомъ называть?..
У меня брата Лазаря въ роду не было...
Есть у меня братцы получше тебя...
У меня-то братья каковъ я самъ:
Князья да бояре—тѣ братья моя,
Гости торговы—тѣ друзья мои;
Попы—тѣ церковны,—хлѣбъ-соль съ ними едина у меня“..
Вотъ мои—братья... А ты—что?.. (Безс. I, 73).

И затѣмъ продолжаетъ, превозносясь собою:

„Ни боюсь богатой никѣмъ никого,
Ни боюсь богатый ничимъ ничего:
Я отъ Господа Бога молитвамъ отмолюсь
Отъ лихова барина казной откуплюсь“ и пр. (Ibid. 84)

Мало этого... Съ презрѣніемъ отказываясь подать брату-нищему милостыню „святую“, или „спасеную“ (то и другое слово въ духовныхъ стихахъ постоянные эпитеты „милостини“), богачъ надсмѣхается—издѣвается надъ нищетой: „плюнулъ ёнъ, харкнулъ“,— „какой ты мнѣ братъ, ты весь въ гною“, твои братья — псы, подъ столомъ у меня похаживаютъ, а-ту его!

„Отсылаетъ онъ брателька отъ себя его роднаго,
Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца провожаетъ,
Съ крыльца провожаетъ, кобелей натравляетъ:
— Устье, возьмите борзы кобелье!“ (Без. I, 48).

Это высшая ступень высокомѣрнаго жестокосердія, тѣмъ болѣе ярко выставленная для мысли народной, что черты для обрисовки ея взяты изъ дѣйствительности не незнакомой русскому человѣку, по крайней мѣрѣ во времена господства крѣпостнаго права, когда произволъ и издѣвательства въ отношеніяхъ къ меньшей или нисшей братіи, лежавшей въ гною у воротъ сильнаго и властнаго, не-

рѣдко завершались и травлей между прочимъ и—„борзыми кобелями“... Но что же выражаетъ отъ себя лично по поводу такого высокомѣрнаго жестокосердія, какъ смотритъ на поведеніе изображаемаго имъ богача пѣвецъ народный, слагавшій духовные стихи? „Не было въ богача спасенія“, „вспокается онъ, да поздно будетъ“—такъ отзывается онъ объ немъ, и этимъ выражаетъ свое отношеніе, этимъ поясняетъ для своей мысли его поведеніе, и вслѣдъ затѣмъ не останавливаясь и какъ бы завершая изображеніе безсердечнаго высокомѣрія, пѣвецъ народный показываетъ, что люди такого рода, люди, для которыхъ, по его взгляду, нѣтъ уже „пути спасенаго“, въ нравственномъ отношеніи, ниже псовъ: у послѣднихъ и то оказывается доля сострадания къ немощному, а у нихъ ея нѣтъ,—богачъ натравляетъ псовъ на бѣдняка, а они—

...„ему бѣдному радуются,
Кровавыя раночки зализываютъ... (Безс. I, 48—52).
Псы по подстольямъ похаживали,
Обронныя крошечки собирывали,
Къ убогому Лазарю принашивали.
Владыко небесъ самъ ему душу питалъ,
А псы ему рану зализывали (idid. 56)...
Лазарю пользу давали“... (ibid. 62).

Евангельское—„но и пси приходяще“..., очевидно, послужило внѣшнимъ поводомъ къ выставленію этихъ чертъ,.. получившихъ въ стихахъ указанное религіозно-нравственное освѣщеніе... Невозможно допустить, затѣмъ, чтобы столь ярко выставленное, и при томъ, до нѣкоторой степени схваченное прямо съ натуры (точнѣе имъ самимъ или на себѣ самомъ пережитое) звѣрское издѣвательство и безчеловѣчіе въ отношеніяхъ „большаго брата“ къ „меньшому“,—не возмущало народнаго пѣвца, не вызывало въ немъ никакихъ личныхъ чувствъ—симпатій къ одному и отвращенія къ другому и не побуждало его заглянуть въ ихъ душу. Эпическій поэтъ, какъ говорятъ, безстрастенъ. Это справедливо лишь до нѣкоторой степени: и онъ волнуется разнообразными чувствами, переживаетъ внутренніе муки изображаемыхъ имъ героевъ, и соотвѣтственно этому—радуется или погружается въ чувство глубокой

печали... Въ данномъ случаѣ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что рѣшительно во всѣхъ версіяхъ стиховъ о богатомъ и Лазарѣ приводится молитва послѣдняго, въ которой онъ призываетъ смерть. Въ Евангеліи сказано просто — „бысть же умрети нищему“,—въ книжныхъ поученіяхъ не находимъ никакихъ прибавленій или поясненій къ этимъ словамъ. Наши стихи берутъ евангельскія слова и развиваютъ ихъ въ связи съ представленной картиной отношеній богача къ нищему и согласно тому взгляду, выраженному въ народныхъ заплачкахъ, что только въ горѣ-бѣдѣ смерть для человѣка есть нѣчто желанное, имъ самимъ призываемое (Барс. Запл., 64; ср. 106 стих. 41; Рыбн. Рус. был. I, № 81, 83 и 85). Душевное состояніе отвергнутаго и поруганнаго бѣдняка, по взгляду пѣвца духовныхъ стиховъ, — таково, что ничего не остается ему, какъ подобно Іову — призывать смерть,—и онъ призываетъ ее:

„Пошелъ убогій отъ брата,
Вышелъ убогій за ворота,
Взглянулъ убогій на небеса:
Господи, Господи, Богъ милостивый“ и пр. (Безс. I. 43).

Или:

„Крикнулъ ёнъ, гаркнулъ
Громкимъ голосомъ:
Господи ты, Господи,
Богъ милостивый,
Ай Богъ милостивый“ и пр. (ibid. 46).

Или:

„Взглянетъ онъ, воззритъ онъ на небеса,
Воскричалъ убогій громкимъ голосомъ:
О Господи, Господи, Спасъ милостивый!
Услыши Господь Богъ молитву мою,
Молитву неправедную“ и пр.

Это по-истинѣ „крикъ громкій“, вырвавшійся прямо изъ наболѣвшей и настрадавшейся души, — поэтъ видимо всѣмъ существомъ своимъ переносится въ душу „оттолкнутаго“ жестокосердымъ богачемъ, скорбитъ его горемъ, сострадаетъ ему. Но и тутъ

сразу-же обнаруживаетъ онъ удивительную выдержанность и строгую подчиненность высшимъ требованіямъ этическаго міропредставленія, сложившагося у него подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній и чтеній. Онъ всецѣло беретъ подъ свою защиту униженнаго и оттолкнутаго бѣдняка, всецѣло въ его лицѣ видитъ себя самаго — нищаго калѣку-перехожаго, и однако твердо помнитъ, что требуется въ его положеніи. Какъ богатство само по себѣ еще не есть необходимое условіе нравственной гибели и становится таковымъ только тогда, когда доводитъ человѣка до звѣрскаго высокомѣрія евангельскаго богача, такъ и бѣдность, нищета тогда только и спасительный подвигъ для человѣка („святая сума“, „святой кошель“), когда человѣкъ безропотно несетъ его, не сѣтуя и не превозносясь, не похваляясь и не осуждая другихъ. И вотъ, даже подъ гнетомъ тяжелой боли, разрывающей сердце на части, пѣвецъ народныхъ стиховъ, глубоко проникнутый христіанскими началами, не забываетъ о смиреніи, внушающемъ человѣку, что безропотно до смерти нужно нести свой крестъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, и не похваляться этимъ, напротивъ—сознавать свое недостоинство, тѣмъ болѣе въ молитвѣ, и потому заставляетъ онъ своего нищаго призывать „грозныхъ ангеловъ“, которые бы вознесли его душу „высоко, высоко“—не въ рай, нѣтъ, а—„прямо въ адъ“, заставляетъ его не считать переносимое имъ за подвигъ, не быть судьей себѣ самому, какъ и не судить другихъ и не сѣтовать на „обидящихъ“, словомъ, по нему, онъ долженъ быть, въ противоположность гордому и высокомѣрному богачу, весь—смиреніе... Подъ такими мыслями, вѣроятно, слагался, такъ сказать, первичный текстъ указаннаго мѣста стиховъ (удаленіе со двора богатаго и обращеніе въ молитвѣ къ Богу), и эту именно версію ихъ представляютъ нѣкоторые (сравнительно очень короткіе) списки ихъ (у Варенцова стр. 66 и слѣд., у Безсонова № 19 и 20, гдѣ молитва нищаго называется „праведною“, въ противоположность „неправедной“ молитвѣ богача)... Но въ переходахъ затѣмъ отъ одной версіи стиховъ къ другой, при чемъ переживались разумѣется и всѣ тѣ чувства, которыя волновали перваго предполагаемаго пѣвца-

слагателя духовныхъ стиховъ, трудно было удержаться на одинаковой высотѣ христіанскаго безстрастія: больное чувство невольно отклоняло въ сторону, просилось наружу, сказываясь то невыразимо тяжелой жалобой на несправедливость — на немоготу выносить дальше, то насмѣшливой и даже злостной ироніей. Бѣднякъ проситъ, чтобы Господь принялъ его душу „на хвалы“, потому что „и такъ его душенька помаялась, живучи на вольномъ свѣту“ (Безс. 52),—„голоду и холоду натерпѣлася“, а тѣло—„наболѣлося“ (63 и 78). Или:

„На бѣломъ свѣтѣ оно поналѣнствовалось,
Тѣло мое бѣлое изнѣжилось“ (48—49).

Или, въ другихъ варіантахъ:

„И такъ моя душенька намаялася
По бѣлому свѣту находилась!
Какъ живучи здѣсь на вольномъ свѣту
Мнѣ нечѣмъ убогому въ рай превзойти,
Нечѣмъ въ убожествѣ душу спасти“ (Безс., стр. 57 и 78).

Эти стихи, очевидно, иронія, проникнутая глубокимъ смысломъ... Такое направленіе мысль пѣвца получила, можетъ быть, и подъ вліяніемъ той основной тенденціи, дѣйствующей въ народномъ эпическомъ творчествѣ, благодаря которой, данное разъ, не измѣняется, а развивается, мотивируется и осмысливается во всѣхъ дальнѣйшихъ перепѣвахъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что такая именно мотивировка здѣсь отчасти вызывалась и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ представленъ высокомѣрный богачъ, который своими богатствами думаетъ и „отъ Бога отмолиться“ и „отъ смерти откупиться“ (Безс. 75). Разсказъ о смерти нищаго Лазаря въ разныхъ версіяхъ стиховъ мотивируется различно. По однимъ версіямъ нищій просто „идетъ въ поле“, потому что куда-жъ ему идти, когда выгнали, призываетъ смерть и умираетъ,—по другимъ, его выгоняютъ со двора богатаго, но онъ весь въ гною, его кидаютъ на навозъ, онъ болитъ и страдаетъ, и... молитъ о смерти, или, наконецъ — его ставятъ ниже псовъ, гонятъ, онъ идетъ въ поле, его и тамъ гонятъ — травятъ собаками, и — онъ молитъ о смерти... Каждая изъ этихъ версій могла явиться

и совершенно самостоятельно, подъ вліяніемъ перваго текста, переводившаго евангельскую притчу въ эпическій народный разсказъ, хотя съ другой стороны весьма возможно, что какъ въ первоначальной концепціи, такъ и въ окончательной обработкѣ этихъ версій, сказалось также нѣкоторое вліяніе библейскихъ разсказовъ объ Іовѣ праведномъ: печальное положеніе евангальскаго нищаго напоминало положеніе послѣдняго, когда онъ, отвергнутый всѣми, въ концѣ концовъ призывалъ смерть, и вотъ—черты одного перенесены на другаго. Такія перенесенія обычная вещь въ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества...

О смерти богатаго въ Евангеліи сказано только—„умре же богатый, и похоронили его“; въ поученіяхъ на евангельскую притчу приводятся эти слова, но нѣтъ никакихъ подробностей какъ о смерти нищаго Лазаря, такъ и о смерти богача. Въ духовныхъ стихахъ смерть богатаго представляется въ яркой драматической картинѣ, въ контрастъ съ указаннымъ изображеніемъ нищаго. Видя неминуемость смерти, и богачъ призываетъ смерть, но и въ часъ смертный не можетъ онъ придти въ себя—отрѣшиться отъ своего богатства и самообмана. У богача пиръ,—онъ гонитъ нищаго,—пируетъ и „внезапу“ нападаетъ но него „лютая хвороба“,—или, по другимъ варіантамъ: онъ пируетъ, идетъ въ садъ съ своими гостями или въ чистое поле, пируетъ — прохлаждается, на пиру хвастается—похваляется собою—своимъ богачествомъ, и вслѣдъ за „похвальбой“—„лютая хвороба“—болѣзнь смертная, а затѣмъ онъ видитъ вскорѣ, что всѣми покинутъ—„всѣ прочь отошли“, „остался богатый одинъ какъ перстъ, одинъ во грѣхахъ“, „не стало у него никѣмъ никого, ничѣмъ ничего“ (Безс., I, 82—83), и только теперь-то онъ, лежа на смертномъ одрѣ, находясь уже въ объятіяхъ смерти—„въ разумъ приходитъ“, говоритъ пѣвецъ стиховъ, вспоминаетъ о Богѣ, обращается съ молитвой къ Богу... При мысли о смерти въ фантазіи народнаго пѣвца невольно являлся образъ ея съ чертами столько же „внезапности“, сколько и „безпощадности“: съ такими чертами вообще рисуется она въ памятникахъ русскаго народнаго творчества, напр. въ заплачкахъ, гдѣ она называется—„скорая смерётушка“, „злодѣйка душегуби-

ца", которая „приходитъ крадучись", „безразсудная—не дающая пощады никому", „неподкупная" и пр. Но въ данномъ случаѣ народно-поэтическій образъ смерти получалъ особое духовное освѣщеніе. Для бѣдняка, выброшеннаго на гноище, мысль о смерти, такъ сказать—невольный крикъ души, изстрадавшейся, измученной,—для богача, жившаго лишь похотями своихъ страстей, она—грозная неожиданность, готовая однакожъ обрушиться каждую минуту и положить конецъ всему; для него она „страшилище", какимъ и изображается въ духовныхъ стихахъ, потому что онъ не только не внималъ тому, чему поучаютъ извѣстные духовные стихи—

„Послушаемъ, братіе,
Писаніе Божіе
Чему насъ Господь Богъ наказуетъ:
Отложимъ мы гордость...
Напомнимъ мы Бога,
Накормимъ мы алчныхъ" и пр. (Безс. вып. 6 стр. 275 и сл.),—богачъ не только не внималъ всему этому, но и высокомѣрно хвастался, подобно Аникѣ-воину справиться съ самой болѣзнью-смертью:

„Не боюсь богатый ничѣмъ ничего"...

Похвальба губитъ его, какъ нерѣдко губитъ богатырей въ былинахъ [1]). Да, пробилъ его послѣдній часъ, и „остался онъ одинъ во грѣхахъ", — „никого и ничего кругомъ". Спохватился онъ тогда, но поздно. И богачъ „молится" теперь, но молитва его, говорятъ стихи, „неправедная", потому что все-таки еще и тутъ, въ молитвѣ, на богатства свои онъ полагается—думаетъ ими „въ рай превзойти", а иного у него нѣтъ ничего. Это послѣдовательное проведеніе мысли о суетности земныхъ пріобрѣтеній въ концѣ концовъ опять-таки ударяетъ прямо въ живую русскую дѣйствительность и ставитъ такую мысль: „да, богачу есть чѣмъ и отъ грѣховъ откупиться: попы-церковники одна хлѣбъ-соль у него" (I, 90), только это—ни къ чему: „тамъ" это не поможетъ, такъ

[1]) Кирши Данил,. Древн.—рус., стихотв. № 38 стих. 295—298; Кирѣев. II, 61—63; IV, 13 и сл.; Рыбниковъ, I, 32—33; Гильфердингъ, Онеж. Был., 90; 220 и др.

какъ не это нужно человѣку: „жить по Божьему, жить такъ, какъ Господь Богъ наказуетъ“ — вотъ что надо. Мысль эта подробно раскрывается въ дальнѣйшей заключительной части стиховъ. Значитъ, этимъ прямо осуждается все то, что такъ часто продѣлываютъ нѣкоторые русскіе богачи, даже въ простомъ народѣ (богачествомъ откупаются отъ грѣховъ) и за что русскихъ упрекаютъ въ привязанности къ наружному благочестію: нагрѣшилъ да поставилъ пудовую свѣчу или колоколъ отлилъ въ сто пудовъ, и совѣсть спокойна... Нѣтъ, это не „по Божьему“, и народъ чрезъ своихъ пѣвцовъ-рапсодовъ осуждаетъ это...

Заключительные стихи, излагающіе бесѣду богатаго и Лазаря за гробомъ, представляютъ одинъ изъ многочисленнѣйшихъ варіантовъ на тему евангельскихъ повѣствованій о второмъ пришествіи Христовомъ и страшномъ судѣ,—стихи на эту тему составляютъ особую и большую группу среди другихъ духовныхъ стиховъ, характерную между прочимъ въ томъ отношеніи, что на нихъ—также сказалось прямое вліяніе проложныхъ чтеній...

Народные пѣвцы-рапсоды, послѣднюю генерацію которыхъ въ русскомъ народѣ несомнѣнно представляютъ собою пѣвцы калики-перехожіе, обыкновенно поютъ не отъ себя и не за себя, не сочиняютъ и не измышляютъ духовнаго содержанія для своего творчества: въ ихъ звукахъ слышится голосъ народа, въ ихъ чувствахъ и мысляхъ чувствуется біеніе—трепетаніе души народной. Съ этой точки зрѣнія, духовные стихи русскихъ каликъ-перехожихъ, воспроизводящія возвышенное ученіе церкви о любви къ ближнему и въ частности къ „меньшому брату“—въ яркой живой картинѣ чисто бытовыхъ реальныхъ отношеній народно-русской жизни, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ученіе это глубоко входитъ въ содержаніе нравственно-религіознаго міропредставленія нашего народа, составляетъ основное начало его жизни, освѣщающее его жизненный историческій путь, и что на сторонѣ этого ученія всѣ его самыя интимнѣйшія симпатіи въ вопросахъ вѣры и мысли. Такимъ образомъ, если церковныя чтенія о „ни-

щелюбіи“ показываютъ намъ, чему и какъ поучала и научала народъ наша церковь, то каличьи духовные стихи, въ связи съ другими данными русскаго народно-поэтическаго творчества, жизни и быта, представляютъ уже неопровержимыя и очевидныя свидѣтельства принятія и усвоенія въ народѣ этого ученія церкви...